

Пламя и кровь. Пляска смерти

Автор:

Джордж Мартин

Пламя и кровь. Пляска смерти

Джордж Рэймонд Ричард Мартин

Мастера фантазии Песнь Льда и Огня

Тирион Ланнистер еще не стал заложником жестокого рока, Бран Старк еще не сделался калеккой, а голова его отца Неда Старка еще не скатилась с эшафота. Ни один человек в Королевствах не смеет даже предположить, что Дейенерис Таргариен когда-нибудь назовут Матерью Драконов. Вестерос не привел к покорности соседние государства, и Железный Трон, который, согласно поговорке, ковался в крови и пламени, далеко еще не насытился. Древняя, как сам мир, история сходит со страниц ветхих манускриптов, и только мы, септоны, можем отделить правдивые события от жалких басен, и истину от клеветнических наветов.

Присядьте же поближе к огню, добрые слушатели, и вы узнаете:

– как Королевская Гавань стала столицей столиц,

– как свершались славные подвиги, неподвластные воображению, – и как братья и сестры, отцы и матери теряли разум в кровавой борьбе за власть,

– как драконье племя постепенно уступало место драконам в человеческом обличье,

– а также и многие другие были и старины – смешные и невыразимо ужасные, бряцающие железом доспехов и играющие на песельных дудках, наполняющее наши сердца гордостью и печалью...

Джордж Р. Р. Мартин

Пламя и кровь. Пляска смерти

Фантастический роман

George R.R. Martin

Fire and blood

© George R.R. Martin, 2018

© Перевод. Н. Виленская, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

Смерть драконов

«Черные» и «зеленые»

«Пляска Драконов» – столь витиеватое название было присвоено кровавой междоусобной войне за Железный Трон, разгоревшейся меж двумя ветвями дома Таргариенов с 129 по 131 гг. от завоевания Эйегона. Именованые темные жестокие деяния тех дней «пляской» представляется нам до нелепости неуместным; вне всякого сомнения это придумал какой-нибудь рифмоплет. «Смерть Драконов» – вот куда более подходящее имя для этих событий: однако время, традиция и великий мейстер Манкен прочно запечатлели «Пляску» на страницах истории. Так что придется и нам сплясать, хотим мы того или нет.

На Железный Трон после смерти короля Визериса I Таргариена претендовали двое: дочь его Рейенира, единственное оставшееся в живых дитя от первого брака, и Эйегон, старший сын от второй жены. В смутные и кровавые времена их соперничества появлялись и другие претенденты на престол; словно фигляры, они выходили на подмостки истории – кто на пару лун, кто на пару недель, – и их падение было столь же стремительным, сколь и вознесение.

Пляска расколола Семь Королевств надвое: все лорды, рыцари и простолюдины принимали сторону либо принца, либо принцессы и брались за оружие. Раскол не миновал и сам дом Таргариенов: в борьбу за престол оказались вовлечены родичи, дети и приближенные соперников. Два года войны дорого обошлись и лордам, и вассалам, и простолюдинам. Королевская династия выжила, но власти у нее поубавилось, а драконов и вовсе почти не осталось.

История Семи Королевств не знала другой подобной войны. Войска, конечно, сходились и на полях сражений, но многие битвы происходили на воде и – что особенно примечательно – в воздухе, где драконы дрались друг с другом, пуская в ход когти и зубы и изрыгая пламя. Запомнилась Пляска и бесчисленными интригами, убийствами и изменами – в темных коридорах, в чертогах совета и во дворах замков велись свои битвы, а оружием в них служили ножи, клевета да яд.

Вражда, давно уже тлевшая подспудно, вспыхнула на третий день третьего месяца 129 г. ОЗ, когда больной король Визерис I, ненадолго прикорнув, так более и не пробудился ото сна. В час нетопыря его обнаружил слуга, который, как это было заведено, принес королю подогретого вина с пряностями; он тут же побежал известить королеву Алисент, чьи покои помещались под комнатами супруга.

Септон Евстахий, позже описавший события той ночи, отмечает, что слуга сообщил скорбную весть только королеве, не поднимая шума. Септон находит это неслучайным: по его словам, смерти короля ждали довольно долго, и королева Алисент и ее сторонники, которых звали «зелеными», [1 - В 111 г., на пятую годовщину свадьбы Визериса и королевы Алисент, в Королевской Гавани был устроен большой турнир. На пиру в честь его открытия королева появилась в зеленом платье, наследная же принцесса оделась в цвета Таргариенов, красный и черный; с тех пор сторонников той и другой стали называть «зелеными» и «черными». На самом турнире верх одержали черные: выступавший за принцессу сир Кристон Коль победил всех бойцов королевы,

считая двух ее кузенов и младшего брата, сира Гвейна Хайтауэра. – Примеч. пер.] не преминули научить королевских слуг и стражников, как поступить, когда этот день настанет.

(Карлик Гриб считает, что произошло нечто более зловещее, и королева Алисент ускорила кончину супруга, подмешав в пряное вино щепотку яда. Но тут следует учесть, что в ночь смерти короля Гриб был не в Королевской Гавани, а на Драконьем Камне, где он находился при принцессе Рейенире).

Королева Алисент тут же отправилась в опочивальню короля вместе с сиром Кристоном Кодем, лордом-командующим Королевской Гвардией. Удостоверившись, что Визерис мертв, королева приказала опечатать спальню и поставить у дверей стражу; обнаружившего короля слугу посадили под замок, чтобы весть не разнеслась по замку. Настал час совы; сир Кристон вернулся в башню Белый Меч и послал своих гвардейцев созвать малый королевский совет.

Тогда, как и теперь, братство Королевской Гвардии состояло из семи рыцарей, чьи доблесть и верность были бесспорны, и которые поклялись посвятить свою жизнь охране короля и его семьи. В час смерти Визериса в Королевской Гавани были только пять белых плащей: сам сир Кристон, сир Аррик Каргилл, сир Рикард Торне, сир Стеффон Дарклин и сир Вилис Фелл. Сир Эррик, брат-близнец сира Аррика, и сир Лорент Марбранд находились с принцессой Рейенирой на Драконьем Камне и знать не знали о том, что король скончался.

Совет собрался в покоях королевы в крепости Мейегора. До нас дошло немало свидетельств того, что было сказано и сделано в ту ночь; наиболее подробное и достоверное из них приведено в книге великого мейстера Манкена «Подлинная история Пляски Драконов». Хотя сей труд и был написан поколением позже на основе самых разных источников – дворцовых хроник, мемуаров и бесед со ста сорока семью свидетелями событий тех лет, – рассказ Манкена о происходящем при дворе опирается на исповедь великого мейстера Орвила, записанную перед казнью последнего. В отличие от Гриба и септона Евстахия, чьи рассказы основываются на слухах, сплетнях и семейных легендах, великий мейстер лично присутствовал на совете и принимал самое непосредственное участие в обсуждениях и решениях. Впрочем, следует учесть, что в момент написания исповеди Орвил отчаянно старался выставить себя в выгодном свете и снять с себя ответственность за последующие события. Поэтому в «Подлинной истории» Манкена его предшественник представлен слишком уж добродетельным.

Тело короля еще остывало в верхних покоях, когда у королевы Алисент собрались ее отец сир Отто Хайтауэр, королевский десница; сир Кристон Коль, лорд-командующий Королевской Гвардией; великий мейстер Орвил; восьмидесятилетний лорд Лиман Бисбери, мастер над монетой; сир Тайленд Ланнистер, брат лорда Бобрового Утеса и мастер над кораблями; Ларис Стронг по прозвищу Колченогий, лорд Харренхолла, мастер над шептунами; лорд Джаспер Уайлд по прозвищу Железный Прут, мастер над законом. В своей книге великий мейстер Манкен называет собравшихся «зеленым» советом.

Сначала слово взял великий мейстер Орвил: он перечислил все то, что, согласно обычаю, требуется сделать после смерти короля. «Мы должны послать за септоном Евстахием; он совершит похоронные обряды и будет молиться о душе короля, – сказал мейстер. – Также надобно немедля послать ворона на Драконий Камень, дабы уведомить принцессу Рейениру о кончине отца. Быть может, ее величество королева соблаговолит лично начертать послание принцессе, смягчив скорбные вести словами соболезнования? Обычно о кончине короля возвещают колокольным звоном; кто-то должен распорядиться об этом. И, разумеется, мы должны начать готовиться к коронации королевы Рейениры...»

«Все это может подождать, – прервал его сир Отто Хайтауэр, – пока не будет улажен вопрос о престолонаследии. – Сир Отто как десница мог говорить от имени короля и даже сидеть на Железном Троне в его отсутствие. – До того как новый король взойдет на престол, правителем остаюсь я».

«Новая королева», – сказал кто-то. Согласно великому мейстеру Манкену, эти слова произнес Орвил. Он говорил тихо, и это прозвучало, как скромное замечание – не более.

Но Гриб и септон Евстахий настаивают, что слова эти произнес лорд Бисбери, и прозвучали они весьма язвительно.

«Нет, король, – возразила Алисент. – Железный Трон по праву должен перейти к старшему законному сыну его величества».

Великий мейстер Манкен пишет, что споры затянулись до утра; Гриб и Евстахий с ним соглашались. Все они утверждают, что лорд Бисбери держал сторону принцессы Рейениры. Престарелый мастер над монетой, верно служивший Визерису все время его правления, а до этого и его отцу, старому королю

Джейехерису, напомнил совету, что Рейенира старше своих братьев и таргариенской крови в ней больше; что сам покойный король объявил ее своей преемницей и не раз наотрез отказывался изменить порядок престолонаследия вопреки настояниям королевы Алисент и ее «зеленых»; что сотни лордов и рыцарей присягнули Рейенире как наследнице трона в 105 году и поклялись защищать ее права на престол. Рассказ великого мастера Орвила отличается только тем, что он приписывает себе многое из сказанного лордом Бисбери; однако последующие события показывают, что это было не так.

Как бы то ни было, эти слова пропали втуне. Многие лорды, присягнувшие Рейенире, уже мертвы, заметил сир Тайленд. «С тех пор миновало двадцать четыре года, – сказал он, – и сам я такой присяги не давал, ибо был тогда малым ребенком».

Лорд Уайлд по прозвищу Железный Прут, мастер над законом, сослался на Большой совет 101 года и на решение Джейехериса, Старого Короля, который в 92 г. предпочел сына Бейелона старшей дочери Рейенис; затем он долго говорил об Эйгоне Завоевателе и его сестрах, и наконец, перешел к священным традициям андалов, согласно которым права законнорожденного сына всегда ставятся выше прав дочери.

Далее сир Отто заметил, что Рейенира теперь замужем за принцем Дейемоном, «а что это за человек, мы все хорошо знаем. Уж не сомневайтесь: если на Железный Трон взойдет Рейенира, нами будет править лорд Блошиного Конца, король-консорт, который жестокостью и беспощадностью превзойдет Мейегора Второго. Моя голова первой слетит с плеч, тут и думать нечего; но и голова моей дочери, вашей королевы, вскоре последует за ней».

«И детей моих тоже не пощадят, – подхватила Алисент. – Эйгон и его братья – законные сыновья короля, и прав на трон у них куда больше, чем у вырожденцев Рейениры. Дейемон непременно найдет причину, чтобы предать их всех смерти, даже Гелайену с ее малютками. Не забывайте, что один из этих Стронгов выколол Эймонду глаз. Он, правда, был тогда еще мал, но из ребенка вырастает мужчина, а бастарды злы по самой природе своей».

Тут слово взял сир Кристон Коль и напомнил собравшимся, что, если королевой станет Рейенира, после нее будет править принц Джакайерис Веларион. «Да сохранят нас Семеро от бастарда на троне». Остановившись на распутстве Рейениры и нечестии ее мужа, сир Коль продолжал: «Они превратят Красный

Замок в бордель, и ничьи жены и дочери не смогут полагать себя в безопасности. Да и мальчики тоже... все мы помним, каким был Лейенор».

Ларис Стронг, судя по записям, не сказал ничего, но удивляться этому не приходится. Мастер над шептунами при всей остроте своего языка был скуп на слова и предпочитал слушать других, нежели говорить самому.

«Такое наше решение наверняка приведет к войне, – согласно „Подлинной истории“, предупредил великий мейстер Орвил. – Принцесса своих прав не уступит, и у нее есть драконы».

«И друзья, – присовокупил лорд Бисбери. – Люди чести, не забывшие присяги, данной ей и ее отцу. Я сам, хоть и стар, не стану сидеть здесь и слушать, как вы замышляете отнять у нее корону». С этими словами он встал, чтобы уйти.

О том, что произошло дальше, рассказывают по-разному. Великий мейстер Орвил говорит, что по приказу сира Отто Хайтауэра лорда Брисбери схватили и препроводили в темницу, где он и умер, не дождавшись суда.

Септон Евстахий пишет иное. По его словам, сир Кростон силой вернул лорда Бисбери на место и полоснул ему по горлу кинжалом. Гриб тоже винит сира Кростона в смерти лорда, но в его рассказе сир Кростон схватил Бисбери за шиворот и вышвырнул из окна прямо на острые пики сухого рва.

Все трое сходятся в одном: первой на Пляске Драконов пролилась кровь Лимана Бисбери, мастера над монетой и лорда-казначей Семи Королевств.

После смерти Брисбери более никто не роптал. Остаток ночи совет строил планы коронации Эйгона (все сошлись на том, что с ней следует поспешить), а также составлял списки возможных союзников и врагов, буде Рейенира не пожелает признать нового короля. Принцесса ожидала близких родов у себя на Драконьем Камне, и «зеленым» было выгодно, чтобы она как можно позже узнала о смерти отца. «А может, шлюха и вовсе помрет родами», – по словам Гриба, заметила королева.

Вороны не взлетали с башни в ту ночь, колокола не звонили. Слуг, знавших, что король умер, отправили в темницу. Сиру Кростону было поручено взять под стражу оставшихся при дворе «черных» – лордов и рыцарей, которые могли

встать на сторону Рейениры. «К насилию прибегайте лишь в случае сопротивления, – наставлял десница. – Мы не причиним вреда никому, кто преклонит колено и присягнет на верность королю Эйегону».

«А те, кто не присягнет?» – спросил Орвил.

«Те, кто не присягнет, – изменники, – отвечал Железный Прут. – И должны умереть смертью изменников».

Тут Ларис Стронг, мастер над шептунами, подал голос в первый и единственный раз: «Присягнем же первыми, дабы показать, что среди нас нет изменников. Пусть кровная клятва свяжет нас нерушимыми узами и сделает нас братьями до гроба». – С этими словами он провел по своей ладони кинжалом. Другие заговорщики сделали то же самое и соединили руки, признав себя кровными братьями; королеву – как женщину – от клятвы освободили.

Когда рассвело, Алисент отправила королевских гвардейцев за своими сыновьями Эйегоном и Эйемондом (принц Дейерон, самый младший и добросердечный из ее детей, служил в Староместе оруженосцем у лорда Хайтауэра). Девятнадцатилетний кривой Эйемонд, надевавший в оружейной доспехи для утренних занятий, спросил сира Вилиса Фелла: «Что ж, будет Эйегон королем или нам придется целовать передок старой шлюхи?» Принцесса Гелайена завтракала с детьми и так ответила на вопрос об Эйегоне, брате своем и муже: «В моей постели его точно нет. Поищите сами, коли хотите».

Как – весьма туманно – пишет Манкен в своей «Подлинной истории», Эйегон «по своему обыкновению, предавался кутежу». В свидетельстве Гриба сказано, что будущего короля нашли голым и пьяным в одном из притонов Блошиного Конца; двое уличных мальчишек с заточенными зубами рвали и кусали друг друга на забаву принцу, а девчонка, которой было не больше двенадцати, ублажала его ртом. Но Гриб есть Гриб – нарисовать такую мерзкую картину вполне в его духе. Обратимся лучше к словам септона Евстахия. Наш добрый септон хоть и признает, что принца нашли в постели любовницы, отмечает, что девушка была дочерью богатого купца и Эйегон обращался с ней должным образом. Более того, Евстахий пишет, что Эйегон поначалу отказался участвовать в заговоре. «Трон наследует сестра, а не я. Хорошим бы я был братом, если бы вздумал лишить ее того, что принадлежит ей по праву рождения». Заколебался он лишь после слов сира Кристона, что Рейенира непременно казнит его с братьями, едва наденет корону. «Пока жив хоть один законный Таргариен, Стронгу и надеяться

нечего на Железный Трон, – продолжал Коль. – Рейенире поневоле придется отрубить вам всем головы, чтобы ее ублюдки правили после нее». Только из этих соображений Эйгон согласился принять корону, предложенную ему малым советом, – так утверждает добросердечный септон.

Пока королевские гвардейцы искали сыновей королевы Алисент, другие посланники были отправлены к начальнику городской стражи и его капитанам (их было семеро, и каждый охранял одни из городских ворот); все они были вызваны в Красный Замок, где их допросили. Пятерых капитанов признали сочувствующими принцу Эйгону, двух оставшихся вместе с начальником сочли неблагонадежными и заковали в цепи. Сира Лютора Ларгента, самого грозного из «верной пятерки», назначили новым командиром золотых плащей. Ларгент был почти семи футов росту и силен, как бык; говорят, он однажды убил одним ударом кулака боевого коня.

Сир Отто, будучи человеком предусмотрительным, позаботился о том, чтобы его собственный сын и брат королевы, Гвейн Хайтауэр, был назначен правой рукой командира, и наказал ему хорошенько приглядывать за сиром Лютором – не проявит ли тот вероломства.

Сир Тайленд Ланнистер, назначенный мастером над монетой вместо убитого лорда Бисбери, тут же приступил к своим обязанностям казначея. Все королевское золото было поделено на четыре части. Одну четверть отдали на хранение в Железный банк Браавоса, вторую под надежной охраной отправили в Бобровый Утес, третью – в Старомест. Последняя предназначалась для подкупов и даров, а также на случай, если придется прибегнуть к услугам наемников. Сир Отто, подыскивая нового мастера над кораблями вместо самого сира Тайленда, послал ворона на Железные острова к Далтону Грейджою, шестнадцатилетнему лорду Пайка. Отважному и кровожадному Красному Кракену предлагалось принять сторону Эйгона в обмен на адмиральство и место в малом совете.

Прошел день, за ним другой. К смертному одру медленно разлагавшегося короля Визериса не звали ни септонов, ни Молчаливых Сестер. Колокола не звонили. Вороны летели в Старомест, в Бобровый Утес, в Риверран, в Хайгарден и в другие места, где королева Алисент ожидала найти сторонников – куда угодно, только не на Драконий Камень.

Достали из-под спуда записи Большого совета 101 года, дабы посмотреть, какие лорды высказывались за Визериса, а какие за Рейенис, Лейену и Лейенора.

Двадцать человек против одного предпочли отпрыска по мужской линии, но были и те, кто думал иначе; в случае войны их дома скорее всего встали бы на сторону Рейениры. Принцесса, как рассудил сир Отто, могла твердо рассчитывать на Морского Змея со всем его флотом и на других лордов восточного побережья, в число коих входили Бар-Эммон, Масси, Селтигар, Крэб и, возможно, даже Вечерняя Звезда с Тарта. Все они, исключая Веларионов, не обладали, впрочем, большими силами. А вот Север вселял куда большую тревогу: лорд Винтерфелла высказывался в Харренхолле в пользу Рейенис, как и его знаменосцы Дастин из Барроутона и Мандерли из Белой Гавани. На дом Арренов «зеленые» тоже не могли полагаться, ибо в Гнезде теперь правила женщина – леди Джейна, Дева Долины; если бы принцессе предпочли Эйегона, под вопросом оказались бы ее собственные права.

Наибольшая опасность исходила из Штормового Предела, ибо Баратеоны были верными сторонниками Рейенис и ее детей. Старый лорд Бормунд уже умер, но сын его Боррос был еще воинственнее отца, и все другие штормовые лорды наверняка бы последовали за ним. «Значит, нужно позаботиться о том, чтобы он привел их к нашему королю», – заявила Алисент и послала за вторым своим сыном.

В тот день к Штормовому Пределу полетел не ворон, а Вхагар, самый старый и крупный из вестеросских драконов. На нем восседал принц Эйемонд Таргариен с сапфиром в пустой глазнице. «Ты должен получить руку одной из четырех дочерей лорда Борроса, – наставлял его дед, сир Отто. – Любая сойдет. Посватайся, женись, и лорд Боррос вручит штормовые земли твоему брату. Но в случае неудачи...»

«Неудачи не будет, – заверил принц Эйемонд. – Я получу девчонку, а Эйегон – Штормовой Предел».

К часу отбытия принца Эйемонда запах из спальни покойного короля распространился по всей крепости Мейегора, и по замку ходили самые дикие слухи. Темницы Красного Замка поглотили стольких подозреваемых в измене, что сам верховный септон из Староместа заподозрил неладное и начал расспрашивать кое о ком из пропавших. Сир Отто, десница на редкость обстоятельный, просил дать ему больше времени на приготовления, но королева Алисент понимала, что медлить больше нельзя, да и Эйегону надоело скрываться. «Король я или нет? – вопрошал он. – Если да, то коронуйте меня».

На десятый день третьего месяца 129 года колокола возвестили о конце очередного царствования. Великий мейстер Орвил получил наконец позволение отправить воронов, и сотни птиц полетели во все концы государства с вестью о восшествии на престол Эйегона. Послали и за Молчаливыми Сестрами, чтобы они приготовили тело Визериса к сожжению; глашатаи на белых конях разносили вести по всей столице, провозглашая: «Король Визерис умер, да здравствует король Эйегон». Манкен пишет, что одни, слыша это, плакали, другие радовались, но большей частью безмолвствовали, и в толпе кричали порой: «Да здравствует королева».

В замке тем временем спешно готовились к коронации, для проведения коей выбрали Драконье Логово: каменные скамьи под его огромным куполом могли вместить восемьдесят тысяч человек, а толстые стены, крепкая кровля и прочные бронзовые двери служили хорошей защитой на случай, если изменники попытаются прервать церемонию.

В назначенный день сир Кристон Коль возложил железную, украшенную рубинами корону Эйегона Завоевателя на чело старшего сына короля Визериса и королевы Алисент, провозгласив его Эйегоном из дома Таргариенов, вторым этого имени, королем андалов, ройнаров и Первых Людей, лордом Семи Королевств и Хранителем Государства. Любимая народом королева-мать увенчала собственной короной дочь свою Гелайену, жену и сестру Эйегона. Облобызав дочь в обе щеки, Алисент опустила перед ней на колени, склонила голову и произнесла: «Моя королева».

О том, сколько людей пришли посмотреть коронацию, спорят до сих пор. Великий мейстер Манкен, опираясь на слова Орвила, пишет, что в Драконье Логово набилось более ста тысяч простолюдинов, и от их приветственных криков тряслись стены. Гриб же утверждает, что каменные скамьи были заполнены лишь наполовину.

Верховный септон Староместа был слишком стар и слаб здоровьем для путешествия в Королевскую Гавань, поэтому Эйегона помазал на царство септон Евстахий, благословив короля именами Семерых. Наиболее зоркие из присутствующих могли заметить, что короля на церемонии охраняли лишь четверо белых плащей, а не пятеро, как делалось ранее. Прошлой ночью Эйегон пережил первую измену: сир Стеффон Дарклин, королевский гвардеец, бежал из города со своим оруженосцем, двумя стюардами и четырьмя стражниками. Под покровом тьмы они пробрались через калитку замка, где их уже ждала рыбачья

лодка, и отплыли на Драконий Камень. Беглецы прихватили с собой украденную корону – золотой обруч с семью разными драгоценными камнями. Эту корону носил король Визерис, а до него – король Джейехерис. Когда новый король решил короноваться венцом своего тезки Эйгона Завоевателя, Алисент приказала надежно спрятать корону Визериса, но стюард, которому это было поручено, попросту умыкнул ее.

После коронации королевские гвардейцы сопроводили Эйгона к его дракону – великолепному созданию с сияющей золотой чешуей и бледно-розовыми перепонками. Этот дракон, похожий на утреннюю зарю, носил имя Солнечный. Король, по словам Манкена, трижды облетел вокруг города и опустился наземь в стенах Красного Замка. Сир Аррик Каргилл сопроводил его величество в тронный зал, освещенный факелами, где, в присутствии тысячи лордов и рыцарей, Эйгон взошел на Железный Трон, и приветственные крики огласили чертог.

В это же самое время башню Морского Дракона на Драконьем Камне оглашали крики совсем другого толка: Рейенира Таргариен уже третий день корчилась в родовых муках. Роды ожидалась лишь на следующей луне, но получив вести из Королевской Гавани, принцесса впала в такую ярость, что они пришли раньше. В муках она выкрикивала проклятия, призывала гнев божий на головы своих братьев по отцу и их матери-королевы, и в подробностях рассказывала, каким пыткам она их подвергнет, прежде чем позволит умереть. Гриб говорит, что проклинала она и дитя в своем чреве. «Чудовище, чудовище, – кричала она и раздирала ногтями свой вздувшийся живот, а мейстер Герардис и повитуха пытались сдержать ее. – Выйди вон, чудовище, выйди вон!»

Когда дитя наконец появилось на свет, оно и впрямь оказалось чудовищем: это была мертворожденная девочка, скрюченная и уродливая; если верить описанию Гриба, у нее был короткий чешуйчатый хвост, а на месте сердца зияла дыра. Карлик говорит, что он сам отнес крошку во двор для сожжения. На другой день, когда маковое молоко немного притупило боль, принцесса нарекла девочку Висеньей. «Они украли мою корону и убили мою единственную дочь, – сказала она. – Они за это ответят».

Так началась Пляска. Рейенира созвала на Драконьем Камне свой собственный совет; в «Подлинной истории» он именуется «черным» в противовес «зеленому». Совет возглавила сама Рейенира, восседавшая между принцем Дейемоном – своим дядей и мужем – и своим доверенным советником, мейстером Герардисом.

На совете присутствовали также три ее сына, хотя ни один из них еще не достиг совершеннолетия: Джаку было пятнадцать, Люсу четырнадцать, Джоффри двенадцать. Принцев охраняли двое королевских гвардейцев: сир Эррик Каргилл, брат-близнец сира Аррика, и сир Лорент Марбранд, родом с западных земель. Гарнизон Драконьего Камня составляли тридцать рыцарей, сто арбалетчиков, триста латников. Считалось, что этого более чем достаточно для обороны столь надежной крепости. «Но для военного похода наше войско оставляет желать лучшего», – кисло заметил принц Дейемон.

В «черный» совет входило около дюжины малых лордов, знаменосцев и вассалов Драконьего Камня: Селтигар с Коготь-острова, Стаунтон из Грачевника, Масси из Плясунов, Бар-Эммон с Острого мыса, Дарклин из Синего Дола и прочие. Однако самым могущественным из лордов, вставших на сторону принцессы, был Корлис Веларион с Дрифтмарка. Морской Змей в свои преклонные годы любил говорить, что уцепился за жизнь, «как тонущий моряк за обломки своего корабля. Может, Семеро хранили меня для этой последней битвы». Вместе с ним прибыла его супруга, принцесса Рейенис; ей минуло пятьдесят пять, лицо ее исхудало и покрылось морщинами, серебристые волосы поседели, но она оставалась столь же свирепой и бесстрашной, как в свои двадцать два. Гриб называет ее Несбывшейся Королевой: «Что такого было у Визериса, чего не было у нее? Колбаска между ног? И это все, что требуется, чтобы стать королем? Так посадите на трон меня: моя-то колбаска раза в три побольше будет, чем у него».

Участники «черного» совета считали себя роялистами, но хорошо понимали, что Эйгон II назовет их изменниками. Каждый из них уже получил послание из Королевской Гавани с требованием явиться в Красный Замок и присягнуть на верность новому королю, а все их войска, вместе взятые, не могли сравниться даже с ополчением одного дома Хайтауэров. У «зеленых» Эйгона были и другие преимущества: в их власти находились Старомест, Королевская Гавань и Ланниспорт – три самых больших и богатых города в государстве. У Эйгона было все, что отличало законного короля: он сидел на Железном Троне, жил в Красном Замке, носил корону Завоевателя, владел его мечом и был помазан служителем Веры на глазах у десятков тысяч свидетелей. Великий мейстер Орвил заседал у него в совете, командующий Королевской Гвардией собственноручно возложил на него корону. Кроме того, он был мужчиной – одно это делало его в глазах многих полноправным правителем, а его единокровную сестру узурпаторшей.

Рейенира мало что могла противопоставить ему. Некоторые лорды постарше, возможно, еще помнили, как присягали ей в верности, когда ее сделали принцессой Драконьего Камня и наследницей отца-короля. Было время, когда принцессу любили и знать, и простолюдины, превознося ее как Жемчужину Королевства. Многие юные лорды и благородные рыцари искали тогда ее расположения... но кто мог сказать, многие ли захотят сражаться за немолодую уже, отяжелевшую после шести родов женщину?

Хотя Эйегон завладел отцовской казной, Рейенира располагала богатствами дома Веларионов, а флот Морского Змея обеспечивал ей преимущество на море. Кроме того, ее принц-консорт Дейемон, закаленный в боях на Ступенях, имел больше военного опыта, чем все их враги, вместе взятые. Наконец – самое главное, – у Рейениры были драконы.

«У Эйегона они тоже есть», – заметил мейстер Герардис.

«Меньше, чем у нас, – возразила ему Рейенис, Несбывшаяся Королева, которая была наездницей дольше кого-либо из собравшихся. – К тому же наши драконы больше и сильнее, не считая Вхагара; здесь, на Драконьем Камне, им живется лучше всего». Принцесса перечислила для совета всех драконов, имевшихся у врага. Король Эйегон владел Солнечным – великолепным, но молодым еще змеем. Эйемонд Одноглазый летал на Вхагаре – этот бывший дракон королевы Висеньи был, без сомнения, опаснее всех. Огненная Мечта королевы Гелайены некогда принадлежала Рейене, сестре Старого Короля. У принца Дейерона был Тессарион с темно-синими крыльями и когтями и чешуей сверкающими, словно битая медь. «Всего выходит четыре дракона, годных для битвы», – подытожила Рейенис. Драконы детей-близнецов Гелайены сами были еще детенышами, а младший сын узурпатора, Мейелор, и вовсе владел одним лишь яйцом.

У Дейемона и Рейениры, с другой стороны, имелись Караксес и Сиракс – великолепные, огромные звери. Караксес, привыкший на Ступенях к огню и крови, был особенно грозен. Все трое сыновей Рейениры от Лейенора Велариона были наездниками, а их драконы – Вермакс, Арракс и Тираксес – подрастали как на дрожжах. Эйегон Младший, первенец Рейениры от принца Дейемона, владел молодым драконом Тучей, но пока не летал на нем, а его младший брат Визерис не расставался со своим драконьим яйцом. Дракониха самой принцессы Рейенис, Мелейс, обленилась с годами, но была по-прежнему страшна в гневе. Дочери-близнецы Дейемона от первого брака с Лейеной Веларион тоже могли со временем сесть на драконов. Бледно-зеленый Лунный Танцор Бейелы почти уже

дорос до того, чтобы носить ее на спине; дракончик ее сестры Рейены умер вскоре после того, как вылупился, но девочка получила из новой кладки Сиракс другое яйцо. Рейена укладывала его спать с собой и молилась, чтобы у нее появился дракон, не уступающий сестрину.

Кроме того, в дымных пещерах над замком гнездились еще шесть драконов. Трое были объезжены: бледно-серый Среброкрылый принадлежал когда-то королеве Алисанне, Морское Чудо – сирю Лейенору Велариону, на старом Вермиторе никто не летал после смерти короля Джейехериса. Трое были дикарями, никогда не знавшими всадника: в народе их называли Бараний Вор, Серый Призрак и Людоед. «Найдите всадников для Среброкрылого, Вермитора, Морского Чуда, и у нас будет девять драконов против четырех Эйегоновых. Объездите их диких сородичей, и вот вам уже дюжина, не считая даже и Тучи, – сказала принцесса Рейенис. – С ними мы выиграем войну».

Лорды Селтигар и Стаунтон согласились с ней: Эйегон Завоеватель и его сестры доказали, что никакое войско не устоит против драконьего пламени. Селтигар уговаривал Рейениру тут же вылететь в Королевскую Гавань и спалить город. «Какой нам от этого прок, милорд? – осведомился Морской Змей. – Мы хотим править этим городом, зачем же его сжигать».

«До этого и не дойдет, – настаивал Селтигар. – Узурпатору придется бросить в битву своих четырех драконов, и наши девять, без сомнения, их одолеют».

«Но какой ценой? – спросила Рейенира. – Не забудьте, что на трех из них полетят мои сыновья; да и о каких девяти драконах вы говорите? Я еще не скоро смогу летать. И кто же сядет на Среброкрылого, Вермитора, Морское Чудо – не вы ли, милорд? Вряд ли, мне думается. У нас будет пять драконов против четырех, один из которых – Вхагар. Никакое это не преимущество».

Принц Дейемон неожиданно поддержал жену. «Мои враги на Ступенях сразу бежали в укрытие, увидев в воздухе Караксеса или услышав его рев, но у них-то драконов не было. Человеку непросто сразить дракона, но один дракон может убить другого, и такое случалось не раз. Любой знаток валирийской истории скажет вам то же самое. Я брошу наших драконов в бой с узурпаторскими, только если другого выбора не останется; их можно использовать иначе и с большей пользой». – Сказав это, принц изложил «черному» совету свой план: в ответ на коронацию Эйегона необходимо короновать Рейениру, а после разослать всюду воронов и призвать лордов Семи Королевств присягнуть на

верность истинной королеве.

«Прежде чем браться за оружие, следует прибегнуть к словам», – сказал принц. Он настаивал, что ключ к победе – в руках великих домов, за коими пойдут их вассалы и знаменосцы. Эйегон уже заручился поддержкой Ланнистеров с Бобрового Утеса; лорд Тирелл из Хайгардена – еще плаксивый младенец в пеленках, и его мать, леди-регентша, скорее всего объединится со своими могущественными знаменосцами Хайтауэрами... но прочим домам еще предстоит сделать свой выбор.

«Штормовой Предел будет наш», – заявила Рейенис, принадлежавшая к роду Баратеонов со стороны матери: покойный лорд Бормунд был ее преданным другом.

Дейемон имел веские причины надеяться, что и Дева Долины будет на их стороне. Эйегон, рассудил он, непременно обратится за поддержкой на Пайк, ведь сравняться на море с домом Веларионов могут только Железные острова. Однако Железные Люди известны своим непостоянством, а Далтон Грейджой любит кровавые битвы; его можно будет легко переманить на сторону принцессы.

Север слишком далеко, чтобы с ним считаться, счел совет: пока Старки соберут свои знамена и выступят на юг, война, глядишь, уже кончится. Остаются сварливые речные лорды, коими (по крайней мере, на словах) управляет дом Талли из Риверрана. «У нас есть друзья в речных землях, – сказал Дейемон, – но не все пока осмеливаются признать, за кого они. Надо найти место, где они все могли бы собраться, замок достаточно большой, чтобы вместить немалую рать, и достаточно крепкий, чтобы устоять против сил узурпатора. Такое место есть: Харренхолл». – И принц показал лордам карту.

Порешили на том, что Дейемон верхом на Караксесе поведет войско на Харренхолл, а Рейенира останется на Драконьем Камне, пока не поправится. Флот Велариона выдвинется с Драконьего Камня и Дрифтмарка и перекроет Глотку, дабы ни один корабль не мог войти в Черноводный залив или выйти из него. «Сил для штурма Королевской Гавани у нас нет, – сказал принц, – а враги наши не могут надеяться на взятие Драконьего Камня. Но Эйегон еще зелен; таких юнцов легко раздражить. Может, нам удастся привести его в такую ярость, что он, не раздумывая, бросится в бой». Принцессе Рейенис предписывалось охранять флот, которым будет командовать Морской Змей, от

нападения вражеских драконов. Между тем в Риверран, в Орлиное Гнездо, в Штормовой Предел и на Пайк будут отправлены вороны, чтобы заручиться поддержкой тамошних лордов.

Тут подал голос Джакайерис, старший сын королевы. «Послания лордам должны доставить мы, – сказал он. – Драконы убедят их быстрее, чем вороны». Люцерис поддержал брата, сказав, что они с Джаком почти уже взрослые. «Дядя зовет нас Стронгами, но лорды, увидев нас верхом на драконах, поймут, что он лжет – ведь драконы подвластны только Таргариенам». Гриб говорит, что Морской Змей в ответ на эти слова проворчал, что мальчишки – настоящие Веларионы, но сказано это было с улыбкой и гордостью. Даже юный Джоффри выразил готовность лететь на Тираксесе вместе с братьями.

Его Рейенира не пустила (Джоффу было всего двенадцать), но Джакайерису исполнилось уже пятнадцать, а Люцерису – четырнадцать; эти смелые и красивые юноши хорошо владели оружием и давно служили оруженосцами. «Вы полетите как гонцы, не как рыцари, и не должны сражаться», – сказала мать сыновьям и не отпускала их, пока они не поклялись на Семиконечной Звезде. Решили, что Джакайерис, как старший, предпримет более долгое и опасное путешествие и отправится сначала в Гнездо к Деве Долины, затем в Белую Гавань к лорду Мандерли и, наконец, в Винтерфелл к лорду Старку. Миссия Люцериса была короче и безопаснее: ему поручили лететь в Штормовой Предел, где лорд Боррос, как все полагали, окажет ему радушный прием.

На другой же день Рейениру спешно короновали. Прибытию бывшего королевского гвардейца сира Стеффона Дарклина и его товарищей-роялистов на Драконьем камне немало обрадовались, особенно когда узнали, что они привезли с собой корону Эйгона Завоевателя. (Сир Отто объявил сира Стеффона и других беглецов изменниками и назначил награду за их головы.) На глазах у трехсот свидетелей принц Деймон возложил венец Старого Короля на чело жены, объявив ее Рейенирой Первой из дома Таргариенов, королевой андалов, ройнаров и Первых Людей. Себя Деймон объявил Хранителем Государства, Рейенира же сделала старшего сына своего Джакайериса принцем Драконьего Камня и наследником Железного Трона.

Первый ее королевский указ объявлял сира Отто Хайтауэра и королеву Алисент мятежниками и государственными изменниками. «Что до братьев моих по отцу и моей милой сестры Гелайены, то ясно, что их сбили с пути дурные советчики. Пусть они явятся на Драконий Камень, преклонят колена и попросят меня о

прощении; тогда я охотно сохраню им жизни и вновь приму их в свое сердце, ибо их кровь – моя кровь, и нет хуже проклятия, чем то, что падет на голову братоубийцы».

Весть о коронации Рейениры дошла до Красного Замка на другой день и вызвала великое неудовольствие Эйегона II. «Сестра моя по отцу и мой дядя повинны в измене, – объявил молодой король. – Я желаю, чтобы их лишили всех прав и титулов, взяли под стражу и предали смерти».

Более трезвые головы в «зеленом» совете советовали прибегнуть к переговорам. «Надо убедить принцессу, что дело ее безнадежно, – говорил великий мейстер Орвил. – Братья не должны воевать с сестрами; пошлите меня к ней, и мы придем к дружескому согласию».

Эйегон, однако, и слышать о том не хотел. По словам септона Евстахия, король обвинял Орвила в неверности и грозил бросить его в темницу «к его „черным“ дружкам». Лишь когда обе королевы – королева-мать Алисент и супруга его Гелайена – поддержали великого мейстера, вспыльчивый Эйегон нехотя уступил и послал Орвила на Драконий Камень под мирным знаменем, в сопровождении свиты, включавшей сира Аррика Каргилла из Королевской Гвардии, сира Гвейна Хайтауэра из городской стражи и десятков писцов и септонов (в числе коих был и Евстахий).

Как пишет в своей «Подлинной истории» Манкен, король предлагал великодушные условия мира. Если принцесса признает его королем и присягнет ему перед Железным Троном, Эйегон II утвердит Драконий Камень ее владением и позволит, чтобы после ее смерти остров и замок отошли к Джакайерису. Второй ее сын, Люцерис, станет законным наследником Дрифтмарка и всего имущества дома Веларионов. Детей ее от принца Дейемона, Эйегона Младшего и Визериса, Эйегон возьмет ко двору: Эйегону Младшему достанется почетная должность королевского оруженосца, а Визерису – королевского пажа. Лордам и рыцарям, злоумышлявшим с нею против истинного короля, будет даровано прощение.

Рейенира выслушала это предложение в ледяном молчании, а после спросила, помнит ли Орвил отца ее, короля Визериса. «Разумеется, ваше высочество», – отвечал на это великий мейстер. «Возможно, вы сможете просветить нас, кого он назначил своей преемницей и наследницей». – «Да, ваше высочество. Вас». Рейенира склонила свою увенчанную короной голову. «Вы сами признаёте меня

законной своей королевой; отчего же вы тогда служите самозванцу, моему единокровному брату?»

Манкен говорит, что Орвил отвечал королеве подробно и разумно, ссылаясь на закон андалов и Великий совет 101 года; Гриб же утверждает, что великий мейстер заикался и обмочился со страху. Как бы там ни было, его ответ не удовлетворил королеву.

«Великий мейстер должен знать закон и служить ему, – сказала она. – Вы не достойны носить цепь великого мейстера, ибо покрыли себя позором и бесчестьем». В ответ на слабые протесты Орвила рыцари Рейениры сорвали с него цепь великого мейстера и поставили его на колени. Королева надела цепь на шею своего мейстера Герардуса, «верного слуги государства и ревнителя его законов». Затем она велела Орвилу и другим посланникам удалиться, молвив: «Скажите моему брату, что я либо займу свой трон, либо сниму с него голову».

Много лет спустя после того, как завершилась Пляска, Люцеон с Тарта сложил печальную балладу «Прощай, брат мой», которую поют и по сей день. В ней рассказывается о последней встрече сира Аррика Каргилла и его брата-близнеца сира Эррика, когда Орвил и его сопровождающие сядились на корабль, чтобы плыть обратно в Королевскую Гавань. Сир Аррик присягнул на верность Эйегону, сир Эррик – Рейенире. В песне каждый пытается убедить другого перейти на свою сторону; потерпев неудачу, они обмениваются словами братской любви и расстаются, зная, что в следующий раз встретятся врагами. Возможно, что такая встреча действительно имела место, но никто из наших рассказчиков о ней не упоминает.

Двадцатидвухлетний Эйегон был скор на гнев и не склонен к прощению. Отказ Рейениры признать его королем привел его в ярость. «Я предложил этой шлюхе почетный мир, а она плюнула мне в лицо! – восклицал он. – Что бы теперь ни случилось, это будет на ее совести». Дальше, как известно, случилась война.

Сын за сына

Эйегон был провозглашен королем в Королевской Гавани, а Рейенира – на Драконьем Камне. Все попытки примирения провалились, и началась настоящая

Пляска Драконов. Флот Морского Змея, отплыв из Корабела и Пряного на Дрифтмарке, перекрыл Глотку. Вскоре после этого Джакайерис Веларион на Вермаксе полетел на север, брат его Люцерис на Арраксе – на юг, а принц Дейемон на Караксесе – на Трезубец.

Заглянем прежде в Харренхолл.

Хотя большая его часть лежала в руинах, высокие стены по-прежнему делали замок Харрена крепостью, не уступающей любой другой в речных землях... но Эйгон Завоеватель доказал, что Харренхолл уязвим с воздуха. Лорд Харренхолла, Ларис Стронг, находился тогда в Королевской Гавани, и замок поэтому охранялся слабо. Когда Караксес сел на башню Королевский Костер, пожилой кастелян замка сир Саймон Стронг (дядя покойного лорда Лионеля и двоюродный дед лорда Лариса), не желая разделить судьбу Черного Харрена, тут же сдался; вместе с замком Дейемон разом получил значительное состояние дома Стронгов и дюжину ценных заложников, в том числе самого сира Саймона с внуками. В плену у Дейемона оказалось и немало простого люда, в том числе кормилица Алис Риверс.

Кем она была? Если верить Манкену – обычной служанкой, которая баловалась зельями да колдовством. Септон Евстахий называет ее лесной ведьмой. А послушать Гриба, так Алис была злой колдуньей, которая купалась в крови девственниц, чтобы сохранить молодость и красоту. Ее имя говорит о незаконном происхождении, но нам почти ничего не известно об ее отце, а о матери и того меньше. Манкен и Евстахий говорят, что ее прижил с кем-то лорд Лионель Стронг в бытность свою зеленым юнцом и она, стало быть, приходилась сестрой по отцу его сыновьям Харвину-Костолу и Ларису Колченогому. Но Гриб утверждает, что она была много старше и выкормила не только обоих мальчиков, но, может статься, и самого Лионеля.

Хотя все ее собственные дети рождались мертвыми, молока у Алис Риверс хватило на бесчисленное количество младенцев, рожденных другими харренхоллскими женщинами. Была ли она вправду ведьмой, делившей ложе с демонами и платившей смертью своих детей за магию, которой этими демонами ее научили? Или простой замарашкой, как полагает Евстахий? Или же развратницей, которая использовала заклинания и зелья, чтобы привязать к себе мужчину телом и душой?

Известно, что во время Пляски Драконов Алис было по меньшей мере сорок (по словам Гриба – еще больше). Все сходятся на том, что она выглядела моложе своих лет, но было ли это счастливой случайностью или же плодом ее колдовства, до сих пор остается предметом споров. Но даже если она и обладала колдовской силой, на Демона Таргариена ее чары не действовали, и эта мнимая колдунья была тише воды ниже травы все время, пока принц удерживал Харренхолл.

Быстрое и бескровное взятие замка в Харренхолле сочли великой победой королевы Рейениры и ее «черных». Это напомнило всем, сколь принц Демон искусен в военном деле и сколь страшен его Караксес Кровавый; королева получила крепость в самом сердце Вестероса, где могли собраться ее союзники... а союзников в землях, омываемых Трезубцем, у Рейениры было немало.

Когда принц Демон призвал всех взяться за оружие, люди стали собираться по берегам рек: рыцари, и латники, и простолюдины, которые еще помнили о Жемчужине Королевства, любимице отца, помнили, как она улыбалась и очаровывала их, когда проезжала по речным землям в юности. Сотни, а потом и тысячи пристегивали к поясам мечи, надевали кольчуги или же просто брали вилы и мотыги и доставали щиты, наспех сделанные из сырого дерева. Все они устремлялись в Харренхолл, чтобы сражаться за малютку короля Визериса.

Лордам Трезубца было что терять, поэтому они не спешили; однако вскоре и они начали понемногу стекаться под знамена королевы. Из Близнецов прибыл сир Форрест Фрей, тот самый «болван», искавший в свое время руки королевы; теперь он стал знаменитым рыцарем. Лорд Сэмвел Блэквуд, некогда дравшийся из-за принцессы на дуэли (и проигравший), поднял знамена Рейениры над Древороном, а сир Амос Бракен, выигравший дуэль, присягнул на верность Эйгону вместе с отцом и всем домом Бракенов. Моутоны из Девичьего Пруда, Пайперы из замка Розовой Девы, Руты из Харроуэя, Дарри из Дарри, Маллистеры из Сигарда, Венсы из Приюта Странника публично приняли сторону Рейениры (Венсы из Атранты пошли другим путем и везде трубили о поддержке юного короля). Петир Пайпер, седой лорд замка Розовой Девы, выразил чувства многих, сказав: «Я поклялся Рейенире в верности, и меч мой принадлежит ей. Я уже стар, но не настолько, чтобы не помнить своих слов, да и меч все еще при мне».

Гровер Талли, лорд Трезубца, был стариком еще во времена Великого Совета 101 года, на котором он поддержал принца Визериса; он совсем сдал, но упрямства

своего не утратил. В 101 году лорд Гровер предпочел наследника мужского пола, и с годами его взгляды не изменились; он заявил, что Риверран будет сражаться на стороне короля Эйгона, но домашние не вняли его словам. Старый лорд был прикован к постели и ему, по словам риверранского мастера, осталось недолго. «Мне хочется, чтобы все мы еще пожили на этом свете», – произнес его внук сир Элмо. Риверран беззащитен против драконьего пламени, сказал он своим сыновьям, а обе стороны в этой войне сражаются на драконах. Так что пока лорд Гровер рвал и метал, не в силах подняться с постели, Риверран затворил ворота, укрепил стены, выставил стражников и погрузился в молчание.

Тем временем на востоке разворачивались другие события. Принц Джакайерис на своем Вермаксе опустился в Гнезде, чтобы заручиться поддержкой Долины Аррен. Дева Долины, тридцатипятилетняя леди Джейна Аррен, была на двадцать лет старше принца. Правительницей Долины она стала в три года, когда ее отца и старших братьев убили Каменные Вороны, обитающие в Лунных горах.

Гриб говорит, что знаменитая дева была на деле высокородной шлюхой, ненасытной и охочей до мужчин. История карлика, как обычно, весьма непристойна: леди Джейна сказала-де принцу Джакайерису, что Долина поддержит королеву, если он ублажит ее своим языком. Септон Евстахий повторяет известный слух, что леди Джейна предпочитала общество других женщин, хоть и говорит, что это неправда. В таких случаях мы особенно благодарны «Подлинной истории» Манкена, ибо он описывает лишь то, что происходило в великом чертоге Гнезда, не заглядывая в опочивальни.

«Мои родичи трижды пытались сместить меня, – сказала леди Джейна принцу. – Мой кузен сир Арнольд имел обыкновение говорить, что женщина по слабости своей не может править мужами. Он сидит у меня в небесной камере, если вы желаете спросить его мнение на сей счет. Принц Дейемон, правда, плохо обращался со своей первой супругой...но ваша матушка, хоть и дурно выбирает своих консORTов, все же остается королевой по праву и моей родственницей – ведь по матери она Аррен. В мире мужчин мы, женщины, должны держаться друг друга. Долина и ее рыцари встанут под знамена королевы... если ее величество удовлетворит одну мою просьбу». Когда принц спросил, что же это за просьба, леди Джейна ответила: «Драконы. Мне не страшны никакие войска; многие из них разбилось о мои Кровавые Ворота, а Гнездо, как известно, невозможно взять приступом. Но вы спустились с неба, как Висенья во время

Завоевания – и я была бессильна остановить вас. Мне не нравится чувствовать себя бессильной. Пришлите мне драконов с наездниками».

Принц согласился; леди Аррен преклонила колено, велела сделать то же самое своим рыцарям, и все они присягнули королеве на верность.

Принц Джакайерис полетел дальше на север через Персты и воды Укуса. Он заглянул в Систертон, где лорды Боррел и Сандерленд выразили ему свое почтение и пообещали поддержку Трех Сестер, а затем направился в Белую Гавань, где лорд Десмонд Мандерли принял его в своем Водном Чертоге. Здесь принцу пришлось поторговаться. «Мы сочувствуем положению вашей матушки, – заявил лорд Мандерли. – Моих предков враги тоже лишили того, что принадлежало им по праву рождения, и вытеснили нас на эти холодные берега. Старый Король, навестив нас – давно это было, – сказал, что с нами обошлись несправедливо, и обещал возместить потери. В подтверждение своих слов его величество предложил моему прапрадеду руку своей дочери, принцессы Визерры, чтобы объединить наши дома; однако девица умерла, и обещание было забыто».

Принц понимал, чего от него хотят. Прежде чем покинуть Белую Гавань, он подписал соглашение, обязывающее его брата Джоффри по окончании войны взять за себя младшую дочь лорда Мандерли.

Под конец Вермакс отнес Джакайериса в Винтерфелл, где властвовал молодой Криган Старк. Со временем Криган стал известен как Северный Старец, но в 129 году, когда его посетил принц Джакайерис, ему был всего двадцать один год. Криган стал лордом в тринадцать, в 121 году, после смерти отца. Пока он не достиг совершеннолетия, севером в качестве регента правил его дядя Бернارد; но в 124 году, когда Кригану исполнилось шестнадцать, он обнаружил, что дядюшка не спешит расставаться с властью. Подчиняться ему молодой лорд не желал, и отношения между ними сильно испортились. Наконец, в 126 году, Криган Старк взбунтовался, отправил в темницу дядю Бернарда с тремя его сыновьями и взял бразды правления в свои руки. Вскоре после этого он женился на леди Арре Норри, подруге своих детских лет, но она умерла родами в 128 году, подарив супругу сына и наследника, которого Криган назвал Риконом в честь своего отца. Когда принц Драконьего Камня прилетел в Винтерфелл, стояла глубокая осень. На земле лежал снег, с севера дул холодный ветер, а лорд Старк был занят приготовлениями к предстоящей зиме; впрочем, Джакайериса он принял радушно. Говорят, что снег, лед и холод злили

Вермакса, поэтому принц недолго оставался среди северян. Однако за это время произошло кое-что любопытное.

В «Подлинной истории» Манкена говорится, что Криган и Джакайерис понравились друг другу: юный принц напоминал лорду Винтерфелла его младшего брата, который умер десять лет назад. Они вместе пили, вместе охотились, вместе упражнялись с оружием и принесли друг другу братскую клятву, скрепив ее кровью. Это выглядит правдоподобнее, чем рассказ Евстахия о том, как принц будто бы уговаривал Кригана оставить своих ложных богов и принять Семерых.

Однако когда нам нужны истории, о которых умалчивают другие хроники, мы всегда обращаемся к Грибу; он и на сей раз нас не подвел. В его рассказе фигурирует некая девица по имени Сара Сноу, которую он именует «юной волчицей». Принц Джакайерис был столь очарован этим созданием – внебрачной дочерью покойного лорда Рикона Старка, – что разделил с ней ложе. Узнав, что гость лишил невинности его побочную сестру, лорд Старк страшно разгневался и сменил гнев на милость только когда Сара сказала ему, что принц взял ее в жены. Они обменялись клятвами в богороще Винтерфелла перед сердцем-деревом, и лишь тогда, на расстеленных на снегу шкурах под взглядами богов, она отдала ему свое девство.

Прелестная история, спору нет; но Грибовы побасенки часто кажутся скорее плодом пылкого воображения шута, нежели действительными событиями. Джакайерис Веларион обручился со своей кузиной Бейелой, когда ему было четыре года, а ей – два, и нарушать священный уговор, чтобы защитить сомнительную честь полудикой, немытой, рожденной вне брака северянки, было, насколько мы знаем, совсем не в его характере.

Если Сара Сноу существовала на самом деле и если принц Драконьего Камня вправду любезничал с ней – что ж, он не первый и не последний принц, который предавался подобным утехам. Но о браке тут даже и говорить нелепо.

(Гриб еще уверяет, что Вермакс на самом деле был самкой и оставил в Винтерфелле кладку яиц, что столь же абсурдно. И хотя определить пол живого дракона почитай что невозможно, больше никто не упоминает о том, чтобы Вермакс отложил хоть одно яйцо, так что можно смело предположить, что он был самцом. Утверждение же септона Барта, что драконы, дескать, могут менять пол по необходимости, будучи «изменчивыми, как пламя», настолько

смехотворно, что с ним не стоит считаться.)

Вот что нам известно в точности: Криган Старк и Джакайерис Веларион подписали и скрепили печатями соглашение, которое в «Подлинной истории» Манкена именуется Договором Льда и Пламени. Как и многие подобные соглашения, этот договор включал брачное обязательство. Сыну лорда Старка Рикону был год от роду, принц Джакайерис был еще не женат и детей не имел, однако договор обуславливал, что будущую старшую его дочь отправят на север, как только ей исполнится семь. Она будет воспитываться в Винтерфелле, пока не достигнет брачного возраста, а после станет женой наследника лорда Кригана.

Когда принц вновь взмыл на своем драконе в холодное осеннее небо, он знал, что добился успеха: убедил трех могущественных лордов и их знаменосцев встать на сторону матери. И хоть до его шестнадцатых именин оставалось еще полгода, Джакайерис показал себя настоящим мужчиной и достойным наследником Железного Трона.

Будь «близкий и безопасный» полет его младшего брата столь же удачен, страна могла бы избежать большого горя и кровопролития.

Все наши источники сходятся на том, что несчастье с Люцерисом было стечением обстоятельств. Первые битвы Пляски Драконов велись с помощью воронов, перьев, пергамента, угроз, посулов, указов и уговоров. Убийство лорда Бисбери на «зеленом совете» не получило еще огласки, и многие полагали, что его милость томится в темнице. Некоторых известных людей тоже перестали видеть при дворе, но головы их пока не насадили на пики; люди еще надеялись, что вопрос о престолонаследии будет улажен миром.

Неведомый, однако, судил иначе – ибо кто же, как не бог смерти, свел в Штормовом Пределе двух юных принцев? Люцерис Веларион, обогнав на Арраксе надвигающийся шторм, благополучно прибыл в замок и обнаружил там Эймонда Таргариена.

Боррос Баратеон был совсем не таков, как его отец. «Лорд Бормунд был неколебимой скалой, лорд Боррос – носящимся туда-сюда ветром», – пишет о нем септон Евстахий. Отправляясь к Борросу Баратеону, принц Эймонд не знал, как его там примут, однако Штормовой Предел встретил принца пирами,

охотами и турнирами. Лорд Боррос был более чем расположен породниться с ним. «У меня четыре дочери, – сказал он. – Выбирайте любую. Кэсс самая старшая, она расцветет первой, зато Флорис самая красивая. А если вы хотите умную жену, то вам подойдет Марис».

Рейенира слишком долго считала верность дома Баратеонов чем-то само собой разумеющимся, сказал Эймонду лорд. «Ну да, принцесса Рейенис мне родня. Моя тетка, которую я в глаза не видал, вышла за ее отца; но теперь их обоих нет на свете, а Рейенира... она же не Рейенис, верно?»

Он не против женщин, продолжал лорд Боррос. Он любит своих девочек, и дочь – это сокровище; но вот сын... ах, если бы боги подарили ему законного сына, Штормовой Предел перешел бы к нему, а не к его сестрам. «Так почему с Железным Троном должно быть по-другому?» А тут еще и возможность породниться с королевской династией. Дело Рейениры пропащее – она это поймет, когда узнает, что потеряла Штормовой Предел; да он и сам ей скажет: покорись брату, оно и к лучшему будет. Его дочери порой тоже ругаются меж собой – ну, на то они и девчонки; он всегда следит, чтобы они должным образом помирились.

Нам неведомо, какую из дочерей Борроса выбрал Эймонд (хотя Гриб и говорит, что он перецеловал всех четырех, «чтобы попробовать нектар их уст»), известно только, что это была не Марис.

Манкен пишет, что в то утро, когда прибыл Люцерис Веларион, Боррос и принц Эймонд обсуждали подходящее время для свадьбы и торговались насчет приданого.

Могучий Вхагар, дракон Эймонда, первым почувал чужого. Часовые на стенах замка в ужасе стиснули копья, когда тот взревел и вся постройка Дюррана содрогнулась до основания. Арракс и тот испугался; лишь бич Люса заставил его опуститься на замковый двор.

Гриб рассказывает, что когда Люцерис спешил, сжимая в руке послание матери, на востоке сверкнула молния и полил дождь. Увидев Вхагара, он обо всем догадался, и встреча с Эймондом в Круглом Чертоге не удивила его. Там же были лорд Боррос с четырьмя дочерьми, септон, мейстер и около двадцати рыцарей, стражников и слуг. (Среди тех, кто присутствовал на этой встрече, был

и сир Бирен Сванн, второй сын лорда Стонхельма, стоящего на границе с Дорном; сир Бирен еще сыграет свою роль в Пляске). Так что в кои-то веки нам не нужно полагаться лишь на свидетельства Манкена, Гриба или Евстахия: никого из них в ту пору не было в Штормовом Пределе, но там находилось много других людей, так что рассказов из первых уст у нас предостаточно.

«Поглядите-ка, милорд, – вскричал Эймонд, – к нам пожаловал маленький ублюдок Люс Стронг. Ты под дождем промок, бастард, или обмочился со страху?»

«Лорд Боррос, – сказал Люцерис, не удостоив вниманием родича, – я принес вам весть от матушки моей, королевы».

«От шлюхи с Драконьего Камня, хотел он сказать». – Эймонд попытался выхватить у Люса письмо, но рыцари по приказу лорда Борроса растащили принцев и вручили послание его милости, сидевшему на троне давних Штормовых Королей.

Никто не знает, что чувствовал в то мгновение Боррос Баратеон: рассказы свидетелей заметно расходятся. Одни говорят, что лорд растерялся и покраснел, словно жена застала его в постели с другою женщиной; другие утверждают, что он наслаждался происходящим – то, что его поддержки искали оба августейших соперника, тешило его гордость. Гриб (которого, напомним, там не было) говорит, что Боррос был пьян; септон Евстахий (которого там тоже не было) говорит, что он был напуган.

Слова и поступки лорда Борроса все, однако, передают сходно. Не будучи грамотеем, он передал письмо мейстеру. Тот взломал печать и шепотом передал лорду его содержание. Боррос нахмурился, огладил бороду и спросил Люса: «На которой из моих дочек женишься ты, мальчик, коли я исполню то, о чем просит меня твоя мать? Вот они, выбирай».

«Не могу, милорд, – вспыхнул Люцерис. – Я не могу жениться, ибо уже помолвлен с кузиной моей Рейеной».

«Так я и думал. Отправляйся домой, щенок, и скажи своей суке-матери, что лорд Штормового Предела ей не пес, чтобы подзывать его свистом и спускать на своих недругов».

Принц Люцерис повернулся и собирался уже покинуть Круглый Чертог, но Эймонд сказал, обнажив меч: «Постой, Стронг. Прежде чем уйти, ты уплатишь свой долг. – Он сорвал с глаза повязку, обнажив блестящий сапфир. – У тебя при себе нож, как и в тот раз. Выколи себе глаз, и я дам тебе уйти. Хватит тебе и одного глаза. Слеплять тебя я не стану».

«Я не стану драться с тобой, – отвечал Люс, помня клятву, данную матери. – Я прибыл сюда как посол, не как рыцарь».

«Ты прибыл как трус и изменник. Выбирай: или глаз, или жизнь».

При этих словах лорд Боррос встревожился. «Не здесь, – в тревоге молвил он. – Он и правда посол; я не желаю, чтобы в моих стенах пролилась кровь». Стража встала между принцами и вывела Люцериса Велариона во двор, где под проливным дождем ждал Арракс.

Тем бы все, вероятно, и кончилось, если ли бы не дочка Баратеона Марис. Она была второй по счету и не такой миловидной, как ее сестры; ее злило, что Эймонд предпочел их ей. «Он глаза вас лишил или яиц? – медовым голосом осведомилась она. – Счастье еще, что вы не меня выбрали, а сестру. Я хочу получить мужа, у которого все на месте».

Лицо Эймонда перекоилось от гнева; он повернулся к лорду Борросу и попросил позволения выйти. «Не мне тебе указывать, как поступать, коли ты не под моим кровом», – пожав плечами, ответил тот. Рыцари расступились, и Эймонд ринулся вон.

Снаружи бушевал шторм. Гром гремел, молнии освещали всю округу яркими всполохами, дождь налетал полотнищами. В такое ненастье даже дракону летать нелегко, и Арракс с трудом держался в воздухе, когда принц Эймонд, вскочив на Вхагара, помчался следом. В тихую погоду Люцерис еще мог бы уйти от погони, ибо Арракс был молод и быстр; но в тот день небо было, по словам Гриба, «черно, как сердце принца Эймонда». Вхагар настиг Арракса над заливом Губительные Валы. Зрители на стенах замка видели вспышки пламени, слышали вопль, пронзивший раскаты грома. Драконы сцепились, между ними искрились молнии. Вхагар, впятеро больше противника, побывал уже в сотне битв; если молодой дракон и сопротивлялся ему, то недолго.

Арракс рухнул с высоты в бурные воды залива. Три дня спустя к скалам у Штормового Предела прибило его голову с шеей, на радость чайкам и крабам. Гриб рассказывает, что вскоре волны вынесли на берег и тело принца; еще он утверждает, что принц Эймонд вырезал глаза Люцериса и преподнес их Марис на блюде с морскими водорослями, но нам кажется, что это было бы уж чересчур. Некоторые говорят, что Вхагар стащил принца со спины Арракса и проглотил его целиком. Находились даже и те, кто уверял, будто принц выжил, добрался до берега, но потерял память и остаток своих дней жил как простой рыбак. Манкен считает эти слухи не чем иным, как глупыми бреднями. Люцерис Веларион погиб вместе со своим драконом, тут не может быть никаких сомнений. Принцу было четырнадцать лет. Его тела так и не нашли, и смерть его, положив конец переговорам и брачным союзам, начала войну крови и пламени.

Эймонд Таргариен, которого враги с того дня прозвали Убийцей Родича, вернулся в Королевскую Гавань, заручившись поддержкой Штормового Предела и став заклятым врагом королевы Рейениры. Если он ожидал, что его встретят как героя, то очень ошибся. Услышав о том, что он сотворил, королева Алисент побледнела и воскликнула: «Мать, смилуйся над нами». Сира Отто случившееся тоже не обрадовало. «Ты лишь один глаз потерял, – сказал он. – Как ты мог быть настолько слеп?» Король, впрочем, их волнений не разделял. Он задал в честь брата великолепный пир и говорил, что брат его, «в жилах которого течет истинная кровь дракона», положил «отличное начало» их делу.

Когда вести достигли Драконьего Камня, Рейенира, узнав о гибели сына, лишилась чувств, а Джоффри, младший брат Люса (Джак еще не вернулся с севера), дал страшную клятву отомстить Эймонду и лорду Борросу. Лишь Морской Змей и принцесса Рейенис помешали ему немедленно сесть на дракона (Гриб уверяет, что и без него самого тоже не обошлось). Пока «черный» совет обсуждал ответный удар, из Харренхолла прилетел ворон. «Око за око, сына за сына, – писал принц Деймон. – Люцерис будет отмщен».

Не будем забывать, что в молодости Деймон был «принцем столицы»; его знали в лицо все карманники, игроки и шлюхи Bloшиного Конца. У него до сих пор сохранились друзья-приятели в самых значных местах Королевской Гавани и сторонники среди золотых плащей. Были у него союзники и при дворе, и в самом «зеленом» совете, о чем не ведали ни король, ни его десница, ни королева-мать. Была у Деймона и еще одна сообщница – старая подруга, которой он безоговорочно доверял; она знала винные погреба и крысиные ямы вокруг

Красного Замка не хуже его самого и ходила потайными тропами города, никем не видимая. Именно к этой бледной леди тайно и обратился теперь принц, чтобы осуществить свою месть.

Посредница Дейемона отыскала в харчевнях Блошиного Конца двух подходящих молодчиков. Один – человек высокий, сильный и жестокий – был бывшим сержантом городской стражи; он лишился золотого плаща за то, что спьяну забил насмерть продажную девку. Другой ловил крыс в Красном Замке. Имен их история не сохранила, и помнят их только по прозвищам: Нож и Сыр (ах, как бы нам хотелось, чтобы их не помнили вовсе!).

«Сыр знал потайные ходы Красного Замка лучше, чем собственный хрен», – говорит Гриб. Потайные двери и тайные ходы Мейегора Жестокого крысолов и вправду знал не хуже крыс, за которыми охотился. Он провел Ножа забытым ходом в самое сердце замка незаметно для стражников. Кое-кто полагает, что охотились они на самого короля, но Эйгона всюду сопровождали рыцари Королевской Гвардии, а единственным входом в крепость Мейегора служил подъемный мост, перекинутый через сухой ров с железными пиками; даже Сыр не знал другого пути.

В башню десницы проникнуть было куда как легче. Убийцы прокрались сквозь башенные стены мимо копьеносцев, охранявших ворота. Миновав покои сира Отто, который им не был нужен, двое убийц пробрались в комнаты его дочери; королева Алисент перебралась туда после смерти Визериса, когда Эйгон поселился в крепости Мейегора со своей королевой. Сыр связал королеву и засунул кляп ей в рот, а Нож тем временем задушил ее горничную. Сделав это, они стали ждать Гелайену, зная, что она каждый вечер приводит своих детей к бабушке, прежде чем уложить их спать.

Королева, ни о чем не подозревая, явилась в урочный час с шестилетними близнецами Джейехерисом и Джейегерой и с младшим, двухлетним Мейелором, которого вела за руку. Войдя, Гелайена окликнула мать. Тут Нож зарезал сопровождавшего их стражника и запер дверь изнутри, а Сыр схватил Мейелора. «Пикни только, и всем вам конец», – сказал он королеве. Гелайена, как говорят, хранила спокойствие. «Кто вы такие?» – спросила она. «Сборщики долгов, – отвечал Сыр. – Око за око, сына за сына. Нам только один нужен, заметь себе, все по справедливости; с остальной ребятни и волос не упадет. Кого выбираешь, ваше величество?»

Поняв, чего он хочет, королева стала молить, чтобы они убили ее и пощадили детей. «То жена, а то сын, – сказал на это Нож. – Придется тебе выбрать одного из мальчишек». Сыр же посоветовал поспешить, пока Нож, устав ждать, не надругался над девочкой. «Выбирай, не то всех убьем». В конце концов Гелайена, рыдая, назвала Мейелора – то ли думая, что он еще мал и ничего не поймет, то ли потому, что Джейехерис был первенцем и наследником Железного Трона. «Слышал, малец? Матушка хочет, чтобы убили тебя». – Сказав это, Сыр подмигнул Ножу, и тот одним ударом раздробил череп старшему, Джейехерису. Королева закричала.

Странное дело, но слово свое крысолов и убийца сдержали. Не причинив больше никакого вреда ни королеве, ни другим детям, они бежали, прихватив с собой голову убитого принца. Поднялся переполох, но Сыр знал тайные ходы, которых не знали стражники, и убийцам удалось уйти. Два дня спустя Ножа схватили у Божьих ворот, когда он пытался покинуть Королевскую Гавань вместе с головой принца Джейехериса в переметной суме. Он признался под пыткой, что собирался отвезти голову в Харренхолл, чтобы получить награду от принца Дейемона. Он также описал шлюху, которая якобы наняла их с Сыром: женщина в годах, говорившая не по-местному, очень бледная, одетая в плащ с капюшоном. Другие шлюхи звали ее Мисарией или Глистой.

После тринадцати дней пыток Ножу наконец позволили умереть. Королева Алисент велела Ларису Колченогому узнать его настоящее имя, чтобы она смогла омыться кровью его жены и детей, но сделала ли она это, неизвестно. Сир Лютор Ларгент и его золотые плащи обыскали Шелковую улицу вдоль и поперек, схватили и раздели каждую продажную девку в Королевской Гавани, но Сыра и Глисты след простыл. В горе и ярости король Эйегон II приказал схватить и повесить всех крысоловов города, и его приказ был исполнен (на замену крысоловам сир Отто Хайтауэр запустил в Красный Замок сотню кошек).

Можно смело сказать, что Гелайена, хотя Нож и Сыр пощадили ее, не пережила того рокового вечера. Она отказывалась от пищи, не мылась, не покидала своих покоев и не могла смотреть на Мейелора, которого обрекла на смерть. Королю ничего не оставалось, кроме как забрать у нее мальчика и отдать его на воспитание их матери, вдовствующей королеве Алисент, которая заботилась о нем, как о собственном сыне. Король и королева отныне спали отдельно. Гелайена погружалась во мрак безумия, Эйегон пил запоем и бушевал.

Красный дракон, золотой дракон

После гибели Люцериса Велариона в Штормовом Пределе и убийства принца Джейехериса на глазах у матери Пляска Драконов завертелась не на шутку: и «черные», и «зеленые» жаждали отомстить кровью за кровь. По всему королевству лорды созывали знамена, и армии готовились выступить.

Тут следует сказать, что поначалу оба претендента на Железный Трон поднимали знамя дома Таргариенов: красного трехглавого дракона на черном, но после 129 года и Эйгон, и Рейенира немного изменили свои знамена, чтобы можно было отличить союзников от врагов. Эйгон сделал трехглавого дракона из красного золотым в честь своего Солнечного, а Рейенира поделила знамя на четыре части и вместе с гербом Таргариенов поместила на него гербы дома Арренов и дома Веларионов – в честь своей матери и первого мужа. В речных землях всадники из Древорона под знаменами Рейениры вторглись во владения дома Бракенов, пожгли урожай, угнали овец и прочий скот, разграбили деревни и осквернили каждую септу, что попала им на пути (из тех, кто жил к югу от Перешейка, Блэквуды одни из немногих еще поклонялись старым богам). Бракены собрали сильное войско, чтобы нанести ответный удар, но лорд Сэмвел Блэквуд застал их врасплох, напав на них, когда они разбили привал у речной мельницы. Во время сражения мельницу подпалили, и ратники сражались и умирали, озаренные алыми сполохами пожара. Сир Амос Бракен, который привел войско из Стонхеджа, зарубил лорда Блэквуда в поединке, но и сам пал, когда стрела из чардрева попала прямо в глазную прорезь его шлема и глубоко вошла в череп. Говорят, что стрела была пущена шестнадцатилетней сестрой лорда Алисанной, которая позже станет известна как Черная Эли; но было ли так на самом деле или же это просто семейная легенда, нам неизвестно.

Много тяжелых потерь понесли обе стороны в этой битве, которую прозвали Битвой у Горелой Мельницы. Когда Бракены – теперь под командованием единокровного брата сира Амоса, сира Рейлона Риверса – были разбиты и отступили на свои земли, они обнаружили, что в их отсутствие Стонхедж был взят. Сильное войско Дарри, Рутов, Пайперов и Фреев, возглавляемое принцем Дейемоном на Караксесе, взяло замок штурмом, когда большая часть войска Бракенов отправилась в поход. Лорда Хамфри Бракена вместе с оставшимися детьми, третьей женой и любовницей-простолюдинкой взяли в плен, и сир Рейлон сдался, чтобы им не причинили вреда. Теперь, когда дом Бракенов был разбит и повержен, последние союзники Эйгона в речных землях отчаялись и тоже сложили оружие.

Однако не стоит думать, что «зеленый» совет сидел без дела. Сир Отто Хайтауэр тоже даром времени не терял: он договаривался с лордами, приглашал наемников, укреплял Королевскую Гавань и усердно искал новых союзников. После того как изложенное великим мейстером Орвиллом щедрое предложение мира было отвергнуто, десница удвоил усилия, отправляя воронов в Винтерфелл, Гнездо, Риверран, Белую Гавань, Чаячий город, Горький Мост и на Светлый остров. Днем и ночью скакали гонцы в замки поближе, чтобы призвать их лордов и леди ко двору, дабы те присягнули в верности королю Эйгону. Сир Отто отправил послание и правителю Дорна, сиру Куорену Мартеллу, который сражался с принцем Дейемоном на Ступенях, но принц Куорен с презрением отверг его предложение. «Дорн уже наплясался с драконами, – будто бы сказал он. – Лучше со скорпионами спать, чем плясать с ними снова». Невзирая на все свои усилия, сир Отто стремительно терял доверие короля, который принимал его старания за бездействие, а осторожность – за трусость. Септон Евстахий рассказывает об одном случае, когда Эйгон, войдя в башню Десницы и застав того за написанием очередного письма, смахнул чернильницу со стола прямо на колени деду и заявил: «Престол завоевывают мечами, а не перьями; пора уже проливать кровь, а не чернила». По словам Манкена, весть о взятии Харренхолла Дейемоном поразила его величество как громом: ранее он думал, что дело его единокровной сестры заведомо обречено на провал. Потеряв Харренхолл, Эйгон впервые ощутил свою уязвимость. Потерпев же новое поражение при Горелой Мельнице и лишившись Стонхеджа, король стал понимать, что его положение куда более шатко, чем ему казалось. Вороны с Простора, который «зеленые» полагали своим оплотом, приносили недобрые вести и усиливали тревогу короля. Хайтауэры и Старомест по-прежнему крепко стояли за Эйгона, да и Бор тоже... но другие южные лорды – Костейн из Трех Башен, Маллендор из Вышеземья, Тарли из Рогова Холма, Рован из Золотой Роши, Грим с Серого Щита – перешли на сторону Рейениры. Среди этих предателей особо выделялся сир Алан Бисбери, наследник лорда Лимана; он требовал выпустить своего деда из темницы (не зная, что тот убит). Видя подобное возмущение со стороны собственных знаменосцев, кастелян и эконома Хайгардена, а также мать малолетнего лорда Тирелла – все они были регентами мальчика, – неожиданно переменили мнение и заявили, что дом Тиреллов в войне участвовать не будет. Король Эйгон, по словам септона Евстахия, топил свои страхи в крепком вине. Сир Отто отправил послание своему племяннику, лорду Ормунду Хайтауэру, умоляя того употребить всю силу Староместа и подавить мятежи в Просторе.

Не замедлили последовать и новые удары судьбы: Долина, Белая Гавань, Винтерфелл, Блэквуды и другие речные лорды собирались в Харренхолле под

знаменем Дэймона. Морской Змей запечатал Черноводный залив, и купцы каждое утро приходили к Эйгону с жалобами. Ответить королю было нечего, и он продолжал пить. «Сделай же что-нибудь!» – взывал он к сирю Отто, осушив очередную чашу вина. Десница заверял его, что он кое-что уже делает и у него готов план прорыва блокады Велариона. Говорил он и о том, что Дэймон, главная опора Рейениры, в то же время и самое уязвимое ее место, ибо его авантюры нажили ему куда больше врагов, нежели друзей. Сир Отто как один из первых врагов принца пытался снестись через Узкое море с другим его недругом, Триединым Братством. Королевский флот не обладал достаточной мощностью, чтобы отбить Глотку у Морского Змея, и все попытки Эйгона переманить Далтона Грейджоя из Пайка на свою сторону пока что терпели неудачу; королю никак не удавалось заполучить Железные Острова в союзники. Однако если собрать вместе армады Тироша, Лисса и Мира, они вполне сравнятся силой с Веларионами. Сир Отто отправил магистрам послание, пообещав им особые права на торговлю в Королевской Гавани, если они очистят Глотку от кораблей Морского Змея и снова откроют морские пути. Чтобы еще подсластить предложение, он пообещал передать Триархии Ступени, хотя Железный Трон никаких прав на эти острова не имел.

Однако Триархия всегда отличалась медлительностью. За неимением единого короля все важные решения в этом «трехглавом королевстве» принимал верховный совет. Каждый город был представлен в совете одиннадцатью магистрами, и каждый из них из кожи вон лез, чтобы показать свою мудрость, важность, проницательность и получить все возможные привилегии для своего города. Великий мейстер Грейдон, который полвека спустя написал исчерпывающую историю Триединого Братства, описывал их совет так: «тридцать три лошади, и каждая тянет в свою сторону». Даже такие срочные вопросы, как война, мир и заключение союзов становились предметом бесконечных обсуждений и споров... а в то время как в Триархию прибыли послы сира Отто, верховный совет не заседал вовсе.

Все эти проволочки молодого короля не устраивали. Эйгону наскучили разглагольствования деда; он терял терпение и не внимал увещеваниям матери, сторонницы сира Отто. Призвав деда в тронный зал, он сорвал с его шеи цепь десницы и швырнул ее сирю Кристону Колю со словами: «Мой новый десница – стальной кулак. Хватит письма писать, пора действовать». Сир Кристон не замедлил оправдать ожидания короля. «Не пристало вам молить своих лордов о поддержке, будто о подаянии, – заявил он. – Вы законный король Вестероса; всякий, кто отрицает это – изменник. Пора им узнать цену предательства».

Первыми эту цену пришлось уплатить лордам, томящимся в темнице под Красным Замком, – тем, кто некогда поклялся защищать права принцессы Рейениры и упрямо отказывался преклонить колени перед королем Эйегоном. Одного за другим их выволакивали во двор замка, где уже ждал палач, Королевское Правосудие, с топором наперевес. Каждому пленнику дали еще одну возможность присягнуть в верности его величеству. Лишь трое воспользовались этой милостью: лорд Батервелл, лорд Стокворт и лорд Росби; лорды же Хейворд, Мерривезер, Харт, Баклер, Касвелл и леди Фелл поставили верность дороже жизни и были обезглавлены. Вместе с ними лишились головы восемь земельных рыцарей и четыре десятка слуг и дворовой челяди. Головы казненных насадили на пики над городскими воротами.

Больше всего Эйегон желал отомстить за убийство своего наследника, напав на Драконий Камень; он вознамерился нагрянуть туда на драконах и схватить свою единокровную сестру с «ублюдками-сыновьями» или убить их. С большим трудом «зеленый» совет отговорил его от этой затеи, а сир Кристон предложил поступить по-другому. «Принцесса-самозванка прибегла для убийства принца Джейехериса к хитрости и вероломству, – сказал он. – Почему бы не отплатить ей той же кровавой монетой?» Орудием мести лорд командующий Королевской Гвардии выбрал своего рыцаря, сира Аррика Каргилла.

Сир Аррик хорошо знал древнюю вотчину дома Таргариенов: он часто бывал там во времена царствования короля Визериса. Многие рыбаки по-прежнему бороздили воды Черноводного залива, ибо море служило для Драконьего Камня важнейшим источником пропитания. Доставить Каргилла в рыбацью деревню у подножия замка было делом нехитрым, а там уж он придумает, как добраться до королевы. К тому же сир Аррик и его брат сир Эррик – близнецы, которых не отличить друг от друга; по словам Гриба и септона Евстахия, даже товарищи братьев в Королевской Гвардии не могли сказать, кто из них кто. Сир Кристон полагал, что сир Аррик в белом плаще сможет беспрепятственно разгуливать по Драконьему Камню: если он и наткнется на стражников, те, без сомнения, примут его за брата.

Сир Аррик не обрадовался возложенной на него миссии. Евстахий рассказывает, что в ночь накануне отплытия обуреваемый тяжкими думами рыцарь посетил септу Красного Замка, дабы молить Небесную Матерь о прощении. Однако он был королевским гвардейцем; он поклялся выполнять волю короля и своего начальника, и долг чести повелевал ему отправиться на Драконий Камень в просоленной рыбацкой одежде.

Что именно поручили сир Аррику, до сир пор служит предметом споров. Великий мейстер Манкен говорит, что ему приказали убить Рейениру и одним ударом покончить с мятежом, а вот Гриб полагает, что его добычей должны были стать сыновья принцессы, ибо Эйгон II хотел смыть кровь своего убиенного первенца кровью своих «бастардов-племянников, Джакайериса и Джоффри Стронгов».

Прибыв на Драконий Камень, сир Аррик без промедления сошел на берег, облачился в доспехи и белый плащ и, притворившись братом, беспрепятственно проник в замок – как и задумал сир Кристон Коль.

Однако в самом сердце Драконьего Камня, у покоев королевы, боги столкнули его лицом к лицу с братом – сиром Эрриком, который сразу понял, что означает эта встреча. В песнях поется, что сир Эррик обнажил меч со словами: «Я люблю тебя, брат мой», а сир Аррик, вытащив свой клинок, ответил: «И я тебя, брат».

По словам Манкена, близнецы сражались почти час. Звон стали перебудил добрую половину двора, однако сбежавшиеся на шум могли лишь стоять и смотреть, не в силах что-либо сделать, ибо никто не мог понять, кто из братьев кто. В конце концов сир Аррик и сир Эррик оба получили смертельные раны и со слезами на глазах умерли, сжимая друг друга в объятиях. Рассказ Гриба об этих событиях не так длинен, зато куда более ужасен и жесток. Битва длилась лишь несколько мгновений, говорит шут. Никакими словами братской любви соперники не обменивались: каждый из них назвал другого предателем, и они скрестили мечи. Сир Эррик, который стоял на ступеньках выше брата, первым нанес смертельный удар – он рубанул мечом так, что почти отсек брату руку, державшую меч; но сир Аррик, падая, ухватил Эррика за плащ, притянул к себе и вонзил ему в живот свой кинжал. Сир Аррик испустил дух еще до появления первых стражников, но сир Эррик промучился четыре дня, крича от ужасной боли и проклиная своего брата-предателя. Неудивительно, что барды и сочинители предпочли рассказ Манкена, но мейстеры и прочие ученые мужи должны сами рассудить, что больше похоже на правду. Септон Евстахий пишет лишь, что братья убили друг друга, и добавить нам к этому нечего.

Между тем в Королевской Гавани Ларис Стронг Колченогий, Эйгонов мастер над шептунами, уже приготовил список всех лордов, присутствовавших на коронации Рейениры и заседавших в ее «черном» совете. До островных лордов Селтигара и Велариона Эйгон, недостаточно сильный на море, добраться не мог, но материковые «черные» были в пределах его досягаемости.

Вместе с сотней рыцарей, пятью сотнями королевских ратников и втрое большим количеством наемников сир Кристон выступил на Росби и Стокворт, чьи лорды недавно пожалели о своей клятве Рейенире; им было велено доказать свою преданность королю, укрепив войско Эйгона своими силами. После этого Коль двинулся на приморский город Синий Дол, застав его защитников врасплох. Город подвергся разграблению, корабли в его гавани были сожжены, а лорд Дарклин обезглавлен. Его рыцарям и ратникам предоставили выбор: присягнуть королю Эйгону или разделить участь своего лорда. Многие выбрали первое. Следующей целью Коля был Грачевник. Лорд Стаунтон, извещенный об этом, закрыл ворота; со стены замка он видел, как жгут его поля, леса и деревни, как предают мечу поселян и скот. Когда съестные припасы в Грачевнике подошли к концу, лорд послал на Драконий Камень ворона с просьбой о помощи.

Ворон прибыл, когда Рейенира и ее «черные» оплакивали сира Эррика и обсуждали, как лучше ответить на последний удар «узурпатора Эйгона». Покушение на ее жизнь (или на жизнь ее сыновей) потрясло королеву, однако она по-прежнему не хотела атаковать Королевскую Гавань. Манкен пишет, что возможность стать братоубийцей вселяла в Рейениру ужас (не будем забывать, что его книга была написана много лет спустя). Мейегора Жестокого, убившего своего племянника Эйгона, постигло проклятье, и свои дни он окончил, истекая кровью на украденном троне. Септон Евстахий полагает, что атаковать королеву мешало «материнское сердце»: она не хотела рисковать жизнью оставшихся сыновей. Гриб, единственный из трех рассказчиков присутствовавший на этих советах, утверждает, что Рейенира так горевала по убиенному сыну, что устранилась и передала командование Морскому Змею и его жене, принцессе Рейенис. Рассказ шута кажется нам наиболее достоверным: через девять дней после того, как лорд Стаунтон попросил у королевы помощи, над морем послышался шум кожистых крыльев, и над замком показалась Мелейс, Красная Королева, прозванная так за алую чешую. Перепонки крыльев у нее были розовые, а гребень, когти и рога цвета меди. На спине у нее в сверкающих доспехах из стали и меди восседала Несбывшаяся Королева Рейенис Таргариен.

Сир Кристон Коль не дрогнул – он ожидал появления дракона и даже рассчитывал на это. В воздух под барабанную дробь полетели стрелы из длинных луков, арбалетов и скорпионов – именно из скорпиона в Дорне когда-то сбили Мираксеса. Мелейс получила множество мелких ран, но это лишь разъярило ее. Она ринулась вниз, изрыгая пламя; шкура, гривы и сбруя лошадей вспыхивали, огонь охватывал рыцарей, которые сгорали прямо в седлах; латники бежали, бросая копья. Некоторые закрывались щитами, но от

драконьего дыхания не спасали ни дуб, ни железо. «Целься во всадницу», – прокричал сквозь дым сир Кростон на белом коне. Мелейс взревела; из ее ноздрей валил дым, а в зубах бился охваченный пламенем жеребец.

И тут раздался ответный рев: в небо поднялись король Эйгон на Солнечном и брат его Эймонд на Вхагаре. Западня, подготовленная Колем, захлопнулась, и Рейенис попала в нее.

Принцесса не пыталась бежать; с радостным кличем она щелкнула бичом и послала Мелейс навстречу врагу. Одного Вхагара старая и опытная красная воительница могла бы еще одолеть, но два дракона сулили ей верную гибель. Они схватились в тысяче футов над полем битвы, и клубы огня были столь ослепительными, что многие, видевшие это, после клялись, что видели небо, полное солнц. Красные челюсти Мелейс на мгновение сомкнулись на золотой шее Солнечного, но тут на них рухнул сверху Вхагар; все трое начали падать и грохнулись оземь так, что со стен Грачевника в полулиге от них посыпались камни.

Все, кто оказался рядом с драконами, погибли на месте, а остальные мало что разглядели за дымом и пламенем. Огонь погас лишь пару часов спустя, и только Вхагар невредимым восстал из пепла. Мелейс, переломавшую кости при падении, растерзали на части, у Солнечного было наполовину оторвано крыло, а августейший его наездник переломал себе ребра, одно бедро и получил нешуточные ожоги. Больше всего пострадала левая рука Эйгона, где доспехи вплавились в плоть.

Рядом с тушей Мелейс было найдено тело; полагали, что это принцесса Рейенис, но останки были так обуглены, что с уверенностью никто не мог ее опознать. Любимая дочь леди Джослин Баратеон и принца Эймона Таргариена, верная жена Корлиса Велариона, мать и бабушка, Несбывшаяся Королева жила, не ведая страха, и погибла в крови и пламени. Ей было пятьдесят пять лет от роду.

В тот день полегли восемьсот рыцарей, оруженосцев и простых латников. Вскоре к ним прибавились еще сто: принц Эймонд с сиром Кростоном взяли Грачевник и предали смерти весь его гарнизон. Голову лорда Стаунтона отвезли в Королевскую Гавань и водрузили над Старыми воротами, но еще более устрашила народ голова Мелейс, провезенная по городу на телеге. Септон Евстахий говорит, что после этого жители начали покидать столицу толпами, пока вдовствующая королева Алисент не приказала запретить все городские

ворота.

Король Эйегон не умер, но так страдал от ожогов, что порой молил богов ниспослать ему смерть. Чтобы скрыть, насколько тяжело он ранен, его доставили домой в закрытых носилках, и он не поднимался с постели до конца года. Септоны молились за него, мастера потчевали зельями и маковым молоком, но король все равно спал девять часов из десяти, просыпался лишь, чтобы принять скудную пищу, а после снова впадал в забытие. Беспokoить его позволялось только матери и деснице; Гелайена, снедаемая горем и безумием, даже не пыталась навестить раненого.

Солнечный с раненым крылом, слишком тяжелый для перевозки, ползал в пепле у Грачевника, как огромный золотой червь. Сначала он кормился обгорелыми телами убитых; потом люди, оставленные сиром Кристоном для охраны дракона, стали пригонять ему овец и телят.

«Править страной придется вам, пока ваш брат не поправится», – так, по словам Евстахия, сказал Кривон Коль принцу Эймонду. Септон также пишет, что принца дважды просить не пришлось: одноглазый убийца своего родича мигом нахлобучил на себя корону Эйегона Завоевателя. «Мне она идет куда больше, чем ему», – говорил он, но королем себя объявить не пытался, называясь лишь Хранителем Государства и принцем-регентом. Десницей по-прежнему оставался сир Кривон Коль.

Между тем проросли семена, посеянные Джакайерисом Веларионом на севере: люди королевы стекались в Белую Гавань, Винтерфелл, Барроутон, Систертон, Чайный город и Ворота Луны. Если они объединятся с собравшимися у Харренхолла речными лордами, даже крепкие стены Королевской Гавани их не сдержат, предупреждал Эймонда сир Кривон.

С юга тоже приходили зловещие вести. Внемя мольбам своего дядюшки, лорд Ормунд Хайтауэр вышел из Староместа с тысячей рыцарей, тысячей лучников, тремя тысячами латников и неисчислимыми тысячами наемников, маркитантов и прочего сброда. Со всем этим войском он угодил прямехонько в засаду, устроенную сиром Аланом Бисбери и лордом Аланом Тарли. Хотя два Алана располагали гораздо меньшими силами, они не давали Хайтауэру покоя ни днем, ни ночью: нападали на стоянки, убивали разведчиков, поджигали земли у него на пути. Еще дальше к югу лорд Костейн выступил из Трех Башен и атаковал обоз Хайтауэра. Хуже того, до лорда Ормунда дошли вести, что вдоль Мандера

движется войско, не уступающее по численности войску из Староместа, а ведет его Таддеуш Рован, лорд Золотой Роши. Хайтауэр решил, что без поддержки Королевской Гавани дальнейшее продвижение невозможно.

«Нам требуются ваши драконы», – писал он в своем послании.

Принц-регент, крепко уверенный в собственной воинской доблести и мощи Вхагара, рвался сразиться с врагом. «Шлюха на Драконьем Камне нам не страшна, – говорил он, – как и Рован, и прочие предатели на Просторе. Мой дядюшка, вот кто опасен. Как только Дейемона не станет, все это дурачье, размахивающее знаменами Рейениры, разбежится по своим замкам и больше не будет нам докучать».

На восточном берегу Черноводного залива дела тоже шли неважно: Рейенира никак не могла поправиться. Смерть Люцериса сильно подорвала ее здоровье, и без того хрупкое после тяжелых и неудачных родов. Когда Драконьего Камня достигли вести о гибели Рейенис, королева серьезно поссорилась с лордом Веларионом, обвинившим ее в гибели жены. «Это должна была быть ты! Стаунтон посылал за тобой, – кричал Морской Змей, – а ты отправила в Грачевник мою жену и сыновей своих с ней не пустила!» Все в замке знали, что принцы Джак и Джофф были более чем готовы лететь на материк вместе с Рейенис.

«Лишь я один мог утешить ее величество, – повествует Гриб. – В эти нелегкие времена я оставил шутовство, снял свой остроконечный колпак и стал советником королевы. Вся моя мудрость и участие были отданы ей. Другие и не подозревали, что ими управляет дурак, невидимый король в шутовском кафтане».

Это весьма солидные претензии для такого маленького человечка, и они не подкрепляются ни другими рассказчиками, ни фактами. Ее величество была далеко не одинока: у нее оставались четверо сыновей. «Сила моя и утешение», – говорила о них королева. Эйгону Младшему и Визерису, сыновьям Дейемона, было девять и семь, принцу Джоффри – двенадцать, но Джакайерис, принц Драконьего Камня, находился на пороге шестнадцатилетия, когда, по законам Вестероса, он должен был стать мужчиной.

В конце 129 года Джак вышел из тени матери. Памятуя об обещании, данном Деве Долины, он отправил в Чаячий город Джоффри на Тираксесе. Манкен предполагает, что Джак, принимая это решение, руководствовался в основном соображениями безопасности и хотел убрать Джоффа подальше от боевых действий. Тот долго упирался и согласился лететь, только услышав, что его отправляют защищать Долину от драконов Эйгона. Сопроводить его выбрали Рейену, тринадцатилетнюю дочь принца Дейемона от Лейены Веларион. Рейена Пентошская, как называли ее по месту рождения, летать верхом не умела, ибо ее новорожденный дракон вскоре умер, однако взяла с собой в Долину три драконьих яйца и еженощно молилась, чтобы они проклюнулись. Сестра-близнец леди Рейены, Бейела, осталась на Драконьем Камне. С детства обрученная с принцем Джакайерисом, она отказалась покидать его, заявив, что будет сражаться с ним бок о бок на своем драконе, хотя Лунный Танцор был еще слишком мал, чтобы выдержать ее вес. Бейела также заявила, что хочет выйти замуж за Джака немедленно, однако свадьба так и не состоялась. Манкен говорит, что Джакайерис не хотел жениться, пока не закончится война, а Гриб все твердит про то, что принц уже был женат на загадочной Саре Сноу, незаконнорожденной девице из Винтерфелла.

Принц Драконьего Камня позаботился и о единоутробных братьях, девятилетнем Эйгоне Младшем и семилетнем Визерисе. В вольном городе Пентосе у их отца Дейемона было много друзей; Джакайерис написал тамошнему принцу, и тот согласился принять к себе мальчиков, пока Рейенира не утвердится на троне. В самом конце 129 года маленькие принцы сели на когг «Веселый путник» – Эйгон Младший с Тучей, Визерис в обнимку с драконьим яйцом. Их сопровождали семь боевых кораблей Корлиса Велариона.

Джакайерис успел примириться с лордом Высокого Прилива, назначив его королевской десницей; вдвоем они стали обдумывать план взятия Королевской Гавани.

Когда Солнечного ранили, а Тессарион с принцем Дейероном улетели в Старомест, в Королевской Гавани осталось только два взрослых дракона. Хозяйка Огненной Мечты Гелайена предавалась горю и не покидала своих покоев, посему считаться приходилось с одним Вхагаром. Никто из живых драконов не мог сравниться с ним в величине и силе, но Джак рассудил, что если Вермакс, Сиракс и Караксес полетят в Королевскую Гавань вместе, то даже «старый дьявол» с ними не сладит.

Гриб был в этом не столь уверен. «Оно конечно, трое больше, чем один, – так он якобы заявил принцу, – но четыре больше чем три, а шесть – больше, чем четыре; это и дураку известно». Джак заметил, что Туча еще ни разу не летала под седлом, что Лунный Танцор еще совсем мал, а Тираксес и Джоффри далеко в Долине; где шут полагает найти еще трех драконов? Гриб, по его собственным словам, рассмеялся и ответил: «Под простынями да в поленницах – везде, где вы, Таргариены, порасплескали свое серебряное семя».

Дом Таргариенов правил Драконьим Камнем с тех самых пор, как лорд Эйенар высадился там со своими драконами, то есть более двухсот лет. Хоть у них и были приняты браки между близкими родичами, но молодая кровь горяча, и Таргариены порой искали утех с дочерьми (а то и с женами) своих подданных, землепашцев и рыбаков. Не забудем также, что до того, как этот обычай был отменен при короле Джейехерисе, правом первой ночи на Драконьем Камне пользовались, возможно, чаще, чем где бы то ни было еще в Семи Королевствах, хотя королева Алисанна наверняка была бы потрясена, если бы услышала об этом.

От женщин Вестероса Алисанна знала, что в других местах люди восставали против этого права, но на Драконьем Камне, где Таргариенов почитали как полубогов, такого возмущения не было. Молодым женам, удостоенным подобной чести в брачную ночь, завидовали, а дети, рожденные от такого соития, ценились больше других, ибо лорды часто жаловали их матерей золотом, шелками и землями. Этих удачливых бастардов сначала называли драконьим семенем, а со временем – просто семенем. Таргариены и после отмены господского права не перестали резвиться с простолюдинками, отчего семени их на острове было полным-полно.

К этим внебрачным потомкам Таргариенов по совету шута и обратился принц Джакайерис, предлагая землю и рыцарство всякому, кто укротит дракона. Сыновья такого человека также будут причислены к благородному сословию, дочерей выдадут замуж в благородные дома, а сам он удостоится чести сражаться вместе с принцем Драконьего Камня против самозванца Эйегона II и своры его приспешников.

Не все из тех, кто откликнулся на призыв, были драконьим семенем даже во втором или третьем поколении. В наездники вызывались домашние рыцари королевы, в том числе сир Стеффон Дарклин, лорд-командующий ее Королевской Гвардией, а также оруженосцы, рыбаки, поварята, латники,

скоморохи и две служанки.

«Большой Сев» – так именует Манкен последовавшие за призывом принца победы и драмы (утверждая, что придумал это не Гриб, а сам Джакайерис). Другие предпочитают называть эти события «Красный Сев».

Самым нелепым из тех, кто вообразил себя наездником, был сам Гриб. В своих «Заметках» он распространяется о том, как пытался оседлать Среброкрылого, которого считали самым спокойным из драконов, оставшихся без хозяина. Это одна из самых забавных побасенок шута. Дело кончилось тем, что Грибу пришлось спасаться бегством; штаны у него на задку занялись, и вдобавок он едва не утонул, когда прыгнул в колодец, чтобы погасить пламя. История эта, вряд ли правдивая, вносит забавную нотку в хронику страшной эпопеи.

Драконы – не лошади. Они не очень-то расположены терпеть на себе всадников, а когда злятся или чувствуют угрозу – нападают. В «Подлинной истории» говорится, что во время Сева лишились жизни шестнадцать человек, а тех, кто обгорел или остался калекой, было втрое больше. Стеффон Дарклин сгорел заживо, укрощая Морское Чудо, лорда Гормена Масси постигла такая же участь с Вермитором. Серебряному Денису, объявлявшему себя сыном Мейегора Жестокого (что подтверждалось цветом его волос и глаз), оторвал руку Бараний Вор; пока сыновья Дениса пытались остановить кровь, прилетел Людоед, отогнал Вора и пожрал отца с сыновьями вместе.

И все же Морское Чудо, Среброкрылый и Вермитор привыкли к людям и терпели их присутствие. Уже объезженные, они снисходительнее отнеслись к новым всадникам. Вермитор, дракон Старого Короля, склонил выю перед здоровенным кузнецом Хью Молотом, а Среброкрылый, носивший некогда королеву Алисанну, допустил к себе латника, которого звали Ульфом Белым за цвет волос и Ульфом Бражником за беспробудное пьянство.

Морское же Чудо, на коем прежде летал Лейенор Веларион, укротил пятнадцатилетний Аддам из Корабела, о происхождении которого историки спорят и по сей день. Аддам и его брат Алин, годом младше, были сыновьями женщины по имени Марильда, пригожей юной дочери корабельщика. Впрочем, в доках ее отца девушку звали Мышкой, ибо была она «маленькой, юркой и вечно путалась под ногами». В 114 году, когда родился Аддам, Марильде было шестнадцать, а когда в 115-м на свет появился Алин, ей едва сравнялось восемнадцать. Такие же маленькие и быстрые, как мать, бастарды из Корабела

унаследовали от отца серебристые волосы и лиловые глаза. Вскоре стало очевидно, что текущая в их жилах драконья кровь еще и основательно просолена морем: братья выросли в доках деда и оба начали выходить в море юнгами, когда им еще и восьми не исполнилось. Когда Аддаму сравнялось десять, а Алину – девять, их дед умер, и его корабельные верфи перешли к дочери. Марильда их продала, а на вырученные деньги купила торговый когг, назвала его «Мышь» и сама стала на нем капитаншей. Проявив немалую смелость и изворотливость в торговле, к 130 году Марильда из Корабела владела уже семью кораблями, и на одном из них всегда подвизались ее сыновья.

Ни у кого из тех, кто видел братьев, не возникало и тени сомнения, что это драконье семя, хотя их мать наотрез отказывалась говорить, кто отец. Лишь когда принц Джакайерис стал искать новых наездников, Марильда нарушила молчание и заявила, что Аддам и Алин – сыновья покойного Лейенора Велариона. Это было правдоподобно: мальчики на него походили, и все знали, что в доках Корабела он бывал часто. Но все же многие на Драконьем Камне и в Дрифтмарке сомневались в правдивости слов Марильды, ибо помнили, что Лейенор Веларион был равнодушен к женщинам. Впрочем, никто не осмелился назвать ее лгуньей... ибо отец Лейенора, лорд Корлис, самолично доставил мальчиков принцу Джакайерису для Сева. Морской Змей пережил своих детей, кузены и племянники его предали, и новообретенным внукам он был только рад. Поднявшись в воздух на Морском Чуде, Аддам из Корабела подтвердил правоту своей матери. Так что не стоит удивляться тому, что и Манкен, и септон Евстахий подтверждают отцовство сира Лейенора. У Гриба, как обычно, другое мнение. В своих «Заметках» шут высказывает мнение, что «мышата» были зачаты не сыном Морского Змея, а самим Морским Змеем. Лорд Корлис не разделял альковных предпочтений сира Лейенора, а доки Корабела были его вторым домом, и он бывал там куда чаще сына. Жена его, принцесса Рейенис, обладала яростным темпераментом Таргариенов, и ее бы вряд ли порадовало, что лорд-супруг прижил двух сыновей с девчонкой вдвое ее моложе, да к тому же дочерью корабельщика. Поэтому после рождения Алины его милость благоразумно положил конец своим встречам с Мышью и велел ей держать мальчиков подальше от замка. Лишь после смерти Рейенис лорд Корлис наконец смог представить своих бастардов ко двору.

Тут стоит заменить, что в этом случае рассказ шута кажется более правдоподобным, нежели то, что пишут септон и великий мейстер. Многие при дворе королевы Рейениры наверняка подозревали то же самое, но держали языки за зубами. Вскоре после того, как Аддам из Корабела укротил Морское

Чудо, лорд Корлис даже осмелился просить Рейениру снять с юноши и его брата клеймо бастардов. Когда о том же попросил и принц Джакайерис, королева уступила, и Аддам из Корабела, бастард драконьего семени, стал Аддамом Веларионом, наследником Дрифтмарка.

Однако на этом Красный Сев не закончился. Впереди было еще много куда более ужасных событий, которые принесли немало бед Семи Королевствам.

Трех диких драконов было укротить не так просто, как тех, что уже летали под седлом, однако храбрецы не прекращали попыток. Бурый, безобразный с виду Бараний Вор вылупился, когда Старый Король был еще молод; он любил баранину и получил свою кличку за постоянные кражи овец от Дрифтмарка до Путеводной. Пастухов, если те не слишком старались ему помешать, он почти не трогал, но порой не гнушался пастушьими собаками. Серый Призрак, живший в дымной пещере на восточном склоне Драконьей горы, предпочитал рыбу и промышлял ее, летая над Узким морем. Бледно-серый под цвет утреннего тумана, он был робок и чурался людей.

Самым большим и старым из дикарей был Людоед. При случае он поедал даже мертвых сородичей и нападал на кладки Драконьего Камня, пожирая яйца и новорожденных драконов. Угольно-черный, со злобными зелеными глазами, Людоед, по словам местных жителей, угнездился на Драконьем Камне еще до прихода Таргариенов (великий мейстер Манкен и септон Евстахий находят это маловероятным, как и я сам). Злосчастные объездчики много раз пытались его укротить, и логово Людоеда было усеяно их костями.

Никто из драконьего семени не был настолько глуп, чтобы попытаться еще раз (те, у кого не достало разума, уже не смогут рассказать, что с ними случилось). Некоторые все еще надеялись объездить Серого Призрака, но его никто не мог отыскать. Бараний Вор не прятался, был существом чрезвычайно злобным и убил больше объездчиков, чем три «замковых дракона» вместе взятые. Одним из тех, кто попытался укротить его (ибо отыскать Серого Призрака у него не вышло), был Алин из Корабела. Бараний Вор его не принял. Алин выскочил из логова в горящем плаще и погиб бы, не случись рядом брата Аддама: Морское Чудо отогнал своего злобного родича, и Аддам сбил пламя своим плащом. Ожоги на спине и ногах остались у Алины Велариона до конца его долгих дней, но ему еще посчастливилось: многие из тех, кто пытался взобраться Бараньему Вору на спину, оказывались у него в брюхе.

В конце концов бурый злодей покорился хитрой и упорной шестнадцатилетней чернавке, которая каждое утро приносила ему только что зарезанную овцу; Бараний Вор привык к ней и ждал ее прихода. Манкен пишет, что эту нежданную укротительницу дракона звали Крапивой; Гриб говорит, что ее звали Краппи, что она была дочерью портовой шлюхи, а отца ее никто не знал. Как бы ее ни звали, известно, что она была тощей, смуглой, черноволосой и кареглазой, сквернословила почем зря и не ведала страха. Она стала первой и последней наездницей Бараньего Вора.

Джакайерис достиг своей цели. Много людей погибло, много женщин овдовело, многим предстояло жить с ожогами и увечьями до конца своих дней, но принц получил четырех новых всадников. В последние дни 129 года он начал готовиться к нападению на Королевскую Гавань. Атаковать было решено в ночь первого новогоднего полнолуния.

Однако человек предполагает, а боги располагают. В это самое время с востока уже надвигалась новая угроза. Замысел Отто Хайтауэра себя оправдал: верховный совет Триархии, собравшись в Тироше, решил заключить с ним союз. Девяносто кораблей под флагом Братства двинулись со Ступеней к Глотке, и по воле богов пентошийский когг «Веселый путник» с двумя маленькими принцами на борту угодил прямо к ним в зубы. Сопровождающие когг корабли были захвачены или потоплены, и сам «Путник» тоже оказался во власти врага.

На Драконьем Камне об этом узнали со слов Эйгона Младшего: мальчик примчался домой, вцепившись, как клещ, в шею Тучи. Гриб рассказывает, что он был весь белый, трясся, как лист, и от него разило мочой. Эйгону было всего девять лет, и этот первый полет на драконе оказался для него и последним: Туча был тяжело ранен во время их бегства с «Веселого путника». Его брюхо было утыкано стрелами, а шею пронзил болт «скорпиона»; дракон умер час спустя, истекая черной дымящейся кровью. Младший, принц Визерис, не смог убежать; смысленый мальчик спрятал свое драконье яйцо, переоделся в лохмотья и прикинулся юнгой, но настоящий юнга выдал его. По словам Манкена, тирошийский капитан первым догадался, кого взял в плен, но адмирал флота Шарако Лохар из Лисса забрал ценный трофей себе.

Свой флот лиссенийский адмирал разделил: одна его часть должна была войти в Глотку южнее Драконьего Камня, другая севернее. Ранним утром пятого дня 130 года ОЗ началась битва; солнце, встающее позади кораблей Шарако, светило прямо в глаза противнику. Пользуясь этим, триархийцы захватили немало

галеонов лорда Велариона: одни потопили, другие взяли на abordаж. Не заходя на Драконий Камень, южане высадили воинов на Дрифтмарке возле Пряного и отправили в гавань брандеры поджечь корабли, выходящие им навстречу. Еще до полудня Пряный был охвачен пламенем, а латники из Мира и Тироша штурмовали Высокий Прилив.

Когда принц Джакайерис на Вермаксе атаковал шеренгу лиссенийских галей, его встретили дождем стрел и копий. Моряки Триархии, воевавшие на Ступенях с Дейемоном, дракона видели не впервой. Смелости им было не занимать; они были готовы противостоять драконьему пламени как умеют. «Убейте всадника, и дракон улетит», – наставляли их капитаны. Один корабль загорелся, за ним другой, но люди продолжали сражаться. Тут раздался крик, и моряки, посмотрев в небо, увидели, как из-за Драконьей горы показались другие драконы.

Одно дело сражаться против одного дракона, и совсем другое – против пятерых.

Подкрепление в виде Среброкрылого, Морского Чуда, Бараньего Вора и Вермитора лишило моряков боевого духа. Галеи, сломав строй, бросились врассыпную, а драконы налетели на них подобно грозе, изрыгая золотые, красные и оранжевые клубы пламени, каждый мощнее и ярче предыдущего. Они поджигали корабли один за другим. Черный дым поднимался к небу, горящие люди с криками прыгали за борт. Казалось, что победа близка... и она была близка, но тут Вермакс стал падать и рухнул в море.

О причине его падения рассказывали по-разному. Одни говорили, что арбалетный болт попал ему в глаз, но это уж слишком похоже на гибель Мираксеса в Дорне. Другие уверяли, будто какой-то матрос в вороньем гнезде метнул в Вермакса кошку на цепи. Она застряла между двумя чешуйками и распорол дракону брюхо, когда матрос обмотал цепь вокруг мачты. Яростный вопль дракона услышали даже в Пряном, несмотря на шум битвы. Вермакс камнем пошел вниз. Рассказывают, что барахтаясь в воде и пытаясь вновь подняться, он врезался в пылающую галею; от удара ее обшивка расщепилась, мачта рухнула, а Вермакс запутался в снастях и пошел ко дну вместе с судном.

Джакайерис, как говорят, успел соскочить с дракона и уцепился за горящую деревяшку, но арбалетчики с мирийского корабля принялись пускать в него стрелы. В цель попал один и другой; все больше арбалетчиков присоединялись к охоте; наконец, очередной болт пронзил шею принца, и его поглотило море.

Битва в Глотке кипела всю ночь и осталась в истории как одно из самых кровопролитных морских сражений. Из девяноста мирийских, тирошийских и лиссенийских кораблей, приведенных со Ступеней Шарако Лохаром, обратно дотащились всего двадцать восемь; все, кроме трех, принадлежали Лиссу. Вдовы Мира и Тироша обвинили адмирала в том, что он отправил их корабли на погибель, а свои уберег. Между тремя городами начался раздор, переросший через два года в войну; так распалась Триархия, но к нашему рассказу это уже не относится.

Драконий Камень враги обошли стороной, рассудив, что древняя крепость Таргариенов выдержит любой штурм, и весь удар принял на себя Дрифтмарк. Пряный был разграблен и сожжен; тела мужчин, женщин и детей валялись на улицах, став кормом для воронья, крыс и чаек. Предали огню и замок Высокий Прилив. Сокровища, привезенные Морским Змеем с востока, сгорели, слуг, пытавшихся спастись, перебили. Флот Велариона сократился почти на треть, тысячи моряков пали, но никого из них не оплакивали так, как Джакайериса, принца Драконьего Камня.

Младший сын Рейениры тоже, казалось, сгинул. В пылу сражения никто не мог с точностью сказать, на каком из вражеских кораблей находился принц Визерис. Обе стороны полагали, что он погиб: утонул, сгорел или был убит. Что до Эйгона, то, хоть он и сумел спастись бегством, вся радость жизни покинула его: мальчик не мог простить себе того, что улетел на Туче и бросил младшего брата в беде.

Говорят, что когда Морского Змея поздравили с победой, он ответил так: «Если это победа, я молюсь о том, чтобы она стала последней».

Гриб рассказывает, что в ту ночь на Драконьем Камне, в прокопченной таверне у подножия замка, праздновали лишь два человека: новые наездники Вермитора и Среброкрылого, Хью Молот и Ульф Белый, выжившие в этой кровавой бане. «Теперь-то мы уж точно рыцари», – хвастался Хью, а Ульф смеялся и приговаривал: «Да тьфу на него, на рыцарство, нас лордами должны сделать!»

Крапива их радости не разделяла. Да, она летала вместе с остальными, сражалась столь же отважно и убила и пожгла не меньше других; но когда она вернулась на Драконий Камень, слезы прочертили дорожки на ее закопченном лице. Аддам Веларион по возвращении отправился к Морскому Змею, и о чем они говорили, не распространяется даже Гриб.

Две недели спустя Ормунд Хайтауэр в Просторе оказался меж двумя армиями. С северо-востока по его войску ударила большая рыцарская конница Таддеуша Рована, лорда Золотой Роши, и Тома Флауэрс, Бастарда из Горького Моста, а сир Алан Бисбери, объединившись с лордами Аланом Тарли и Оэуном Костейном, отрезал ему дорогу на Старомест. Когда окружение сомкнулось на берегах Медовички и Хайтауэра атаквали одновременно и в лоб, и с тыла, ряды его воинов дрогнули. Поражение казалось неминуемым, но тут на поле упала тень, и раздался ужасный рев, заглушивший звон оружия: то был медно-синий Тессарион, а на его спине восседал пятнадцатилетний принц Дейерон Таргариен, младший сын королевы Алисент и оруженосец лорда Ормунда... тот самый добрый мальчик, что приходился молочным братом Джакайерису.

С его появлением все изменилось. Лорд Ормунд перешел в наступление, люди королевы пустились бежать. К вечеру лорд Рован отошел на север с остатками войска, обгорелый труп Тома Флауэрс остался лежать в камышах, обоих Аланов взяли в плен, лорд Костейн умирал, сраженный черным мечом Удалого Джона Рокстона по имени Сиротская Доля. Пока волки и воронье терзали убитых, Ормунд Хайтауэр потчевал Дейерона мясом зубра и крепким вином; он посвятил принца в рыцари своим прославленным мечом Бдение и нарек сиром Дейероном Отважным. «Вы очень добры, милорд, – скромно ответил принц, – но это победа Тессариона, а не моя».

Разгром при Медовичке погрузил в уныние «черный» двор Рейениры. Лорд Бар-Эммон предложил даже склонить колени перед Эйегоном II, но королева и слышать о том не хотела. Сердца людей, особенно женщин, ведомы одним лишь богам: Рейенира, сломленная потерей одного сына, воспряла духом со смертью второго. Гибель Джака ожесточила ее, лишила страха и оставила в сердце лишь гнев и ненависть. Драконов у нее все еще оставалось больше, чем у единокровного брата, и королева твердо вознамерилась воспользоваться этим преимуществом – не важно, какой ценой. Она низвергнет огонь на головы Эйегона и присных его, заявила Рейенира совету – и либо сбросит его с Железного Трона, либо погибнет сама.

Той же решимостью на другой стороне залива проникся и принц Эйемонд, правивший вместо недужного брата. Не принимая в расчет Рейениры, он опасался дяди своего Дейемона и войска, которое тот собрал в Харренхолле. На совете, куда он призвал и своих знаменосцев, принц заявил, что намерен дать Дейемону бой и покарать мятежных лордов Трезубца.

Он предложил ударить по речным землям с запада и востока и таким образом вынудить лордов Трезубца сражаться сразу на двух фронтах. Ясон Ланнистер собрал в западных холмах великолепное войско: тысячу рыцарей и всемеро больше лучников и латников. Пусть он спустится в долину и пробьется через Трезубец огнем и мечом, а сир Кристон Коль в это время выдвинется из Королевской Гавани; сам Эйемонд на Вхагаре будет сопровождать его. Две армии сойдутся в Харренхолле и сдавят «изменников Трезубца» промеж собой. А коли дядюшка покинет крепостные стены, чтобы сразиться с ними, как наверняка и случится, Вхагар убьет Караксеса, и Эйемонд возвратится в город с головой Дейемона.

Не все члены «зеленого» совета одобрили это намерение. Десница и сир Тайленд Ланнистер были на стороне принца-регента, но великий мейстер Орвил убеждал его заручиться прежде поддержкой дома Баратеонов, а лорд Джаспер Уайлд просил вызвать с юга лорда Хайтауэра и принца Дейерона, ибо «один дракон хорошо, а два лучше». Королева-мать также советовала сыну проявить осторожность и уговаривала его подождать, пока король и Солнечный выздоровеют и смогут сразиться.

Эйемонд, однако, ждать не желал. Он заявил, что обойдется и без братьев с их драконами: Дейерон слишком молод, а Эйегон незнамо когда поправится. Караксес, конечно, змей опасный, хитрый и закаленный в боях, но Вхагар еще старше, еще страшнее и притом вдвое больше. Одноглазый, по мнению септона Евстахия, не хотел делить славу ни с братьями, ни с кем-либо другим.

Перечить ему не представлялось возможным – ведь пока Эйегон II не поднимется с постели и снова не возьмет в руки меч, править государством продолжал Эйемонд. Вскоре принц, верный слову, вывел из Божьих ворот четыре тысячи войска.

«До Харренхолла шестнадцать дней пути, – провозгласил он. – На семнадцатый мы будем пировать в стенах Черного Харрена, а голова моего дядюшки будет взирать на это со своей пики».

Повинуясь приказу принца, Ясон Ланнистер, лорд Бобрового утеса, начал свой путь с западных холмов, намереваясь обрушить всю свою мощь на Трезубец и речные земли. Лордам Трезубца ничего не оставалось, кроме как повернуть назад и дать Ланнистеру бой.

Но Деймон, воин старый и опытный, нипочем не позволил бы запереть себя в стенах крепости, даже столь прочной, как Харренхолл. У него по-прежнему оставались друзья в Королевской Гавани, и его известили о планах племянника еще до выступления Эймонда из города. «Давно пора», – рассмеялся Деймон, услышав, что принц-регент и Кристон Коль отправились наконец в свой поход. С искривленных башен Харренхолла взмыла целая туча воронов.

У Трезубца лорда Ланнистера встретили Петир Пайпер, старый лорд Розовой Девы, и Тристан Венс, лорд Приюта Странника. Хотя люди с запада и превосходили их числом, речным лордам эта земля была знакома. Трижды Ланнистеры пытались пересечь Трезубец, и трижды их отбрасывали назад. Во время последней попытки Ясон Ланнистер пал от руки седовласого оруженосца по имени Пейт из Длиннолиста (после лорд Пайпер собственноручно посвятил его в рыцари и дал ему имя Победитель Львов). Однако в четвертый раз Ланнистеры все же переправились на другой берег. В этот раз был убит лорд Венс: его сразил сир Адриан Тарбек, возглавивший западное войско. Тарбек и сотня отобранных им рыцарей сбросили с себя тяжелые доспехи и пустились вплавь. Оказавшись выше сражения, они выбрались на берег и напали на людей Венса с тыла. Войско речных лордов было разбито, и тысячи людей с запада повалили через Трезубец.

Пока Ясон Ланнистер и его знаменосцы штурмовали переправу, с моря на их вотчины напали корабли Железных Людей, ведомые Далтоном Грейджоом из Пайка. Красного Кракена пытались заполучить оба претендента на Железный Трон, и он наконец сделал свой выбор. Взять Бобровый Утес после того, как леди Джоанна затворила ворота крепости, железные даже и не надеялись, однако они захватили три четверти кораблей в гавани, потопили остальные, ворвались в Ланниспорт и разграбили город. С собой Железные Люди увезли, помимо богатой добычи, шесть сотен женщин и девочек, включая любовницу лорда Ясона и прижитых с ней дочерей.

Лорд Валис Моутон тем временем вышел из Девичьего Пруда с сотней рыцарей. В пути к нему примкнули Селтигар с Коготь-острова и полудикие Крэбы и Брюны с мыса Раздвоенный Коготь. Подойдя через сосновые леса и окутанные туманом холмы к Грачевнику, они застали тамошний гарнизон врасплох. Отвоевав замок, лорд Моутон послал своих храбрейших воинов добить Солнечного.

Его люди без труда смяли латников, которые ухаживали за драконом и защищали его, но одолеть самого дракона оказалось не так просто, как они

ожидали. На земле драконы весьма неуклюжи, а надорванное крыло не позволяло золотому змею подняться в воздух. Кроме того, нападавшие думали, что дракон, почитай, при смерти. Однако Солнечный всего лишь спал; лязг мечей и конский топот разбудили его, а первый же укол копья привел в ярость. Извиваясь в грязи среди несчетных бараньих костей, дракон бил хвостом и изрыгал пламя, пытаясь взлететь. Трижды он поднимался и трижды падал обратно. Бессчетные мелкие раны, которые люди наносили ему, лишь сильнее разъяряли его; когда убитых стало больше пятидесяти, уцелевшие обратились в бегство.

Среди павших был и Валис Моутон, лорд Девичьего Пруда. Брат его Манфрид две недели спустя нашел на том месте лишь оплавленные доспехи, в которых кишели черви. Поле устилала тела других смельчаков вперемешку с обугленными и раздувшимися тушами лошадей, но дракон исчез. Уползти он не мог, ибо в пепле никаких следов не осталось. Все говорило о том, что он улетел – но куда, оставалось только гадать.

А тем временем Деймон Таргариен мчался на Караксесе к югу. Пролетев над западным берегом Божьего Ока, чтобы не быть замеченным войском Эймонда, он пересек Черноводную, повернул на восток и направился вдоль реки к Королевской Гавани. Рейенира в это самое время облачилась в черные чешуйчатые доспехи, села на Сиракс и полетела сквозь бурю через Черноводный залив. Супруги встретились над холмом Эйгона, венчающим Королевскую Гавань.

Увидев драконов в небе, горожане пришли в ужас, смекнув, что свершилось то, чего они так боялись. Принц Эймонд и сир Кристон лишили город всякой защиты и забрали с собой самого сильного дракона – Вхагара, оставив в Королевской Гавани лишь Огненную Мечту (чья наездница, королева Гелайена, была сломлена горем) да несколько молодых дракончиков, еще не объезженных. Город остался, почитай, вовсе без драконов.

Одни жители бежали из города, унося детей и пожитки, другие копали под своими лачугами ямы, чтобы укрыться в них от огня (великий мейстер Манкен говорит, что многие тайные ходы и секретные укрытия под Королевской Гаванью были выкопаны именно в то время). В Блошином Конце начались беспорядки. Когда в заливе показались паруса Морского Змея, идущего к Черноводной, во всех септах зазвонили колокола, а чернь ринулась на улицы, хватая все, что попадалось им на пути. Прежде чем золотые плащи

восстановили порядок, в свалке погибли десятки людей.

Поскольку лорд-хранитель и десница отсутствовали, а король Эйгон лежал в постели, мучимый болью от ожогов и одурманенный маковым молоком, оборона столицы легла на плечи королевы-матери. Алисент оказалась на высоте: она сразу же распорядилась закрыть ворота Красного Замка и все городские ворота, послала городскую стражу на стены и отправила к принцу Эймонду гонцов на быстрых конях.

Великому мейстеру, кроме того, приказано было разослать воронов «всем нашим верным лордам» и призвать их на защиту своего короля. На вышке Орвила поджидали четверо золотых плащей; один из них зажал ему рот, а остальные избили его и связали. Великому мейстеру натянули на голову мешок и препроводили в темницу.

Гонцы королевы доехали лишь до городских ворот – их похватали другие золотые плащи. Алисент не знала, что семерых капитанов, командовавших защитой городских ворот, убили или взяли под стражу, как только Караксес показался над Красным Замком: рядовые стражники по-прежнему любили «принца Королевской Гавани» Деймона, бывшего своего командира.

Брат королевы сир Гвейн Хайтауэр был вторым по старшинству офицером городской стражи. Когда он бросился на конюшню, чтобы поднять тревогу, его схватили и привели к командующему, сиру Лютору Ларгенту. Когда Хайтауэр обозвал Лютора перевертышем, тот со смехом ответил: «Эти плащи нам дал Деймон, и они останутся золотыми, как ты их ни вывертывай». С этими словами он распорол сиру Гвейну живот и приказал открыть ворота людям Морского Змея.

Невзирая на свои хваленые крепкие стены, Королевская Гавань не продержалась и дня. Короткий кровавый бой завязался лишь у Речных ворот, где тринадцать рыцарей и сто латников Хайтауэра схватились с золотыми плащами и почти восемь часов отражали атаки с той и другой стороны; впрочем, их геройство было тщетно: воины Рейениры беспрепятственно прошли через оставшихся шесть ворот. Драконы в небе лишили сторонников Эйгона всякой воли к сопротивлению: они бежали, прятались или преклоняли колена.

Один за другим драконы опускались на землю: Бараний Вор – на холм Эйегона, Среброкрылый и Вермитор – на холм Рейенис у Драконьего Логова. Дейемон, покружив над замком, посадил Караксеса на внешнем дворе; лишь удостоверившись, что защитников замка можно более не опасаться, он дал жене знак присоединиться к нему. Аддам Веларион на Морском Чуде облетал городские стены, давая понять, что сопротивление бесполезно.

Вдовствующая королева Алисент, признав поражение, вышла из крепости Мейегора со своим отцом сиром Отто, сиром Тайлендом Ланнистером и лордом Джаспером Уайлдом (Ларис Стронг, мастер над шептунами, вовремя улизнул). Септон Евстахий, бывший свидетелем этих событий, пишет, что королева пыталась договориться с падчерицей. «Созовем Большой совет, как некогда сделал Старый Король, – предложила она, – и пусть лорды решат, кому быть на троне». Рейенира с презрением отвергла это предложение. «Вы, верно, приняли меня за моего дурака Гриба? Обе мы знаем, что решат лорды», – отрезала Рейенира и дала мачехе выбор: сдаться или сгореть.

Алисент, склонив голову, вручила Рейенире ключи от замка, а рыцарям своим и латникам приказала сложить оружие. «Город ваш, принцесса, – сказала она при этом, – но долго вы его не удержите. Без kota мышам раздолье, но скоро мой сын Эйемонд потопит вас в огне и крови».

Жену соперника Рейениры, безумную королеву Гелайену, нашли запертой в ее спальне, но взломав двери в покои короля, люди Рейениры обнаружили лишь «пустую постель и полный ночной горшок». Король Эйегон исчез; вместе с ним пропали его дети, принцесса Джейегера и принц Мейелор, и двое королевских рыцарей, Вилис Фелл и Рикард Торне. Даже королева-мать будто бы не знала, куда они делись, а Лютор Ларгент клялся, что выйти через городские ворота они не могли.

Железный Трон, однако, из города не вынесешь – он остался на месте, и Рейенире не терпелось его занять. В тронном зале зажгли факелы, и королева взошла на престол, принадлежавший ранее королю Визерису, Старому Королю, Мейегору, Эйенису и Эйегону Завоевателю. Она восседала там в своей черной броне, и все, кто был в Красном Замке, преклоняли перед нею колена, молили ее о прощении и присягали ей жизнью своей, мечами и честью.

Септон Евстахий говорит, что церемония длилась всю ночь, и Рейенира сошла с трона уже при свете нового дня. «Когда она выходила из зала об руку с мужем

своим Демонами, все заметили порезы на ее ногах и левой ладони. Кровь капала на пол; люди переглядывались, и хоть никто не посмел ничего сказать вслух, все знали, что Железный Трон отверг Рейениру, и сидеть ей на нем недолго».

Рейенира-победительница

В то время как Королевская Гавань склонилась перед Рейенирой и ее драконами, принц Эймонд и сир Крестон продолжали свое наступление на Харренхолл, а войско Ланнистеров под командованием Адриана Тарбека свернуло на восток. В Желудях Ланнистерам пришлось немного задержаться: люди Джозета Смолвуда присоединились к остаткам разбитого войска лорда Пайпера. Завязалась битва, но тут лорд Пайпер вдруг упал, как подкошенный (Гриб говорит, что его сердце разорвалось при виде того, как враги размахивают пикой с головой его любимого внука), и Смолвуд отступил назад в замок. Три дня спустя произошло еще одно сражение: речные люди вновь собрались с силами и объединились под командованием межевого рыцаря сира Харри Пенни. Сей неожиданно появившийся герой тоже скоро был сражен, убив перед этим Адриана Тарбека. Победа вновь осталась за Ланнистерами, и немало речных людей пали от их мечей, пытались спастись бегством. Войско с запада вновь повернуло к Харренхоллу; теперь им командовал престарелый лорд Хамфри Леффорд, так сильно израненный, что его несли в паланкине. Лорд Леффорд и не подозревал, что впереди его ждут куда более суровые испытания: с севера подходило двухтысячное войско под знаменами Рейениры. Во главе северян ехал старый Родерик Дастин; он был столь свиреп, что его прозвали Родди Смерть Врагам. Его войско состояло из седовласых воинов в старых кольчугах и потрепанных шкурах, однако под каждым из них был конь, и каждый был закален в боях. Они называли себя Зимними Волками. «Мы пришли умереть за королеву драконов», – объявил Родерик Дастин, когда они прибыли в Близнецы, и леди Сабита Фрей выехала к ним навстречу.

Тем временем продвижение Эймонда замедлилось: сильные дожди размывали дорогу, а его войско было по большей части пешим да еще тащило за собой тяжелый обоз. Авангард с сиром Крестоном во главе вступил на берегу озера в битву с людьми сира Освальда Уода и лордов Дарри и Рута. Сир Крестон, одержав победу, более не встретил сопротивления на пути. Через девятнадцать дней они наконец подошли к Харренхоллу и увидели, что ворота замка открыты,

а Демона и его людей след простыл.

Принц на Вхагаре все время держался над главной колонной, опасаясь, что дядя атакует их на Каракесе. Он достиг Харренхолла на другой день, и ночью они с Колем отпраздновали победу над «речным сбродом», бежавшим от них без боя. Можно лишь догадываться, каким дураком он себя почувствовал, получив наконец весть о падении Королевской Гавани: Эймонд впал в такую ярость, что на него было страшно смотреть. Первым, на кого обрушился гнев короля, был сир Саймон Стронг. Принц Эймонд и так не жаловал Стронгов, а поспешность, с которой кастелян сдал Харренхолл Демону Таргариену, убедила принца в том, что старик – предатель. Сир Саймон уверял Эймонда в своей невинности и преданности королю. Он напомнил регенту, что его внучатый племянник Ларис Стронг – лорд Харренхолла и мастер над шептунами при короле Эйгоне. Его слова лишь укрепили подозрения Эймонда. Колченогий, верно, тоже предатель, решил он. Иначе как Демон с Рейенирой узнали, когда Королевская Гавань будет более всего уязвима для нападения? Ясно, что их известил кто-то из малого совета. А Ларис Колченогий ведь брат Костолома, то есть ублюдки Рейениры – его племянники.

Эймонд приказал дать сиру Саймону меч. «Пусть нас рассудят боги, – сказал он. – Коли ты ни в чем не повинен, Воин поможет тебе меня одолеть». Все, кто был свидетелем последующего поединка, сходятся в том, что он скорей походил на казнь. Принц порубил старика на куски и скормил останки Вхагару. Внуки сира Саймона ненадолго пережили деда. Всех мужчин и мальчиков, в чьих жилах текла кровь Стронгов, одного за другим выволакивали во двор и предавали смерти, так что куча из их голов достигла трех футов в высоту.

Таким бесславным и печальным образом погиб весь цвет дома Стронгов, древнего рода благородных воинов, которые хвалились, что произошли от Первых Людей. Ни одному из законнорожденных Стронгов не удалось спастись, бастардов тоже не пощадили... кроме Алис Риверс, как это ни странно. Хотя кормилица была вдвое (а то и втрое, если верить Грибу) старше принца, Эймонд выбрал именно ее в качестве военного трофея и возлег с ней, предпочтя ее всем остальным женщинам замка, среди которых были и прелестные девушки его возраста.

К западу от Харренхолла продолжались сражения. Войско Ланнистеров еле ползло по старости и хворости командира своего лорда Леффорда, а у Божьего Ока им преградила дорогу другая рать.

Родди Смерть Врагам и его Зимние Волки объединились с лордом переправы Форрестом Фреем и Роббом Риверсом, Древоронским Лучником. У северян было две тысячи воинов, у Фрея – двести рыцарей и втрое больше пехоты, Риверс привел с собой триста стрелков. Не успел лорд Леффорд остановиться, чтобы сразиться с одним неприятелем, с юга подтянулся другой: к Пейту Победителю Львов и горстке бойцов, уцелевших в прежних сражениях, примкнули лорды Биглстон, Чамберс и Перрин.

Леффорд, зажатый меж двух врагов, не знал, как ему быть: он боялся, что если вступит в сражение с одним войском, другое ударит с тыла. Он окопался у озера и послал в Харренхолл дюжину воронов, прося Эймонда о помощи. Ни одна птица, однако, не долетела до принца: Робб Риверс, слывший первым лучником во всем Вестеросе, сбил их всех на лету.

На другой день к озеру подошли свежие речные войска во главе с сиром Гарибальдом Греем, лордом Джоном Карлтоном и новым лордом Древорона, одиннадцатилетним Бенжикотом Блэквудом. Взяв в расчет это подкрепление, полководцы королевы решили, что пришло время атаковать. «Прикончим львов, покуда драконы не подоспели», – выразил общую мысль Родди.

Назавтра с восходом солнца началось самое кровопролитное сухопутное сражение Пляски Драконов. В анналах Цитадели оно осталось как Озерная битва, но те, кому посчастливилось выйти из боя живым, всегда называли ее Кормежкой Рыб.

Западное войско, атакованное с трех сторон, шаг за шагом отступало в воды Божьего Ока. Сотни людей были зарублены в камышах, сотни утонули, пытаясь спастись. К ночи обе стороны потеряли две тысячи человек. В числе убитых были лорды Фрей, Леффорд, Биглстон, Карлтон, Свифт, Рейн, сир Кларент Кракехолл, Бастард из Ланниспорта сир Эмори Хилл. Войско Ланнистеров было разгромлено, но цена, уплаченная за это, оказалась столь высока, что юный Бен Блэквуд разрыдался, увидев груды убитых. Самые тяжкие потери понесли северяне. Зимние Волки добились чести возглавить атаку и пять раз бросались на копья Ланнистеров; лорд Дастин потерял убитыми или ранеными две трети тех, кто пошел с ним на юг.

Сражения велись и в других частях королевства, хотя эти битвы были не столь великими, как битва у Божьего Ока.

Лорд Хайтауэр и его воспитанник, принц Дейерон Отважный, продолжали свое победное шествие через Простор. Им уже покорились Рованы из Золотой Рощи, Окхарты из Старой Дубравы и лорды Щитовых островов: никто не осмеливался выступить против Тессариона. Лорд Боррос Баратеон призвал своих знаменосцев и собрал в Штормовом Пределе шесть тысяч воинов, заявив, что намеревается идти на Королевскую Гавань... но в итоге увел свое войско на юг, в горы. Он оправдывал это необходимостью отразить набеги дорнийцев, однако поговаривали, что передумал он не из-за дорнийцев позади, а из-за драконов впереди.

В Закатном море корабли Красного Кракена напали на Светлый остров; его воины прошлись по острову как ураган, от края до края, а лорд Фармен, укрывшись в крепостных стенах, посылал воронов с мольбами о помощи, которая так и не пришла.

Эймонд и Кристон Коль между тем спорили в Харренхолле, как нанести Рейенире ответный удар. Взять твердыню Черного Харрена приступом не представлялось возможным, да речные лорды и не посмели бы осаждать замок из страха перед Вхагаром, но съестные припасы у людей короля были на исходе: и людям, и лошадям грозил скорый голод. Поля вокруг замка были выжжены, посланные на фуражировку отряды в Харренхолл не вернулись. Сир Кристон рекомендовал отступить на юг, где у Эйгона было больше всего сторонников, но принц в ответ заявлял, что только трус бежит от предателей. Потеря Королевской Гавани и Железного Трона разъярила его; он чуть не задушил оруженосца, принесшего в Харренхолл весть о Кормежке Рыб, и мальчика спасло лишь вмешательство Алис Риверс, любовницы принца. Эймонд желал атаковать Королевскую Гавань немедленно, утверждая, что Вхагар без труда справится со всеми драконами Рейениры.

«Только дурак пойдет один воевать против шестерых, мой принц», – урезонивал его Кристон Коль, раз за разом предлагая идти на юг и присоединиться к лорду Хайтауэру, где был и принц Дейерон со своим драконом. Король Эйгон, как они уже знали, бежал из столицы; наверняка он скоро заберет Солнечного и примкнет к братьям. А если их друзья в городе сумеют устроить побег Гелайене, то у них будет и Огненная Мечта; может статься, что четверо драконов, если один из них Вхагар, одолеют и шестерых.

Эймонд об этой «стратегии трусов» и слышать не желал. Будучи регентом, он мог и просто приказать деснице повиноваться, однако не сделал этого. Манкен предполагает, что причина тому – уважение, которое принц питал к сирю Кристону, а Гриб считает, что оба они искали расположения Алис Риверс, которая разжигала в них страсть колдовством да приворотными зельями. Септон Евстахий отчасти соглашается с шутком, но говорит, что в кормилицу был влюблен один Эймонд, и страсть его была столь сильна, что он не мог вынести и мысли о расставании с ней.

Как бы там ни было, в конце концов решено было разделиться: сир Кристон должен был вести войско к Ормунду Хайтауэру и Дейерону, а принц собирался воевать по-своему, поджигая предателей с воздуха. «Коронованная сука» рано или поздно пошлет пару драконов, чтобы ему воспрепятствовать, и Вхагар их убьет. «Всех она послать не осмелится, – говорил Эймонд, – это значило бы оголить Королевскую Гавань. Сиракс и последним ненаглядным сыночком она тоже не рискнет: Рейенира хоть и называет себя королевой, баба душой и телом».

Так создатель королей и убийца родича отправились каждый навстречу своей судьбе, а Рейенира в Красном Замке тем временем награждала друзей и жестоко карала тех, кто служил ее брату.

Командир золотых плащей сир Лютор Ларгент получил дворянское звание. Сир Лорент Марбранд был назначен начальником Королевской Гвардии; ему было поручено найти шестерых достойных рыцарей, которые будут служить вместе с ним. Великого мейстера Орвила бросили в темницу, и ее величество написала в Цитадель, что отныне ее «верный слуга» Герардис есть «единственный истинный великий мейстер». Из темницы, поглотившей Орвила, были освобождены оставшиеся в живых «черные» лорды и рыцари; им были пожалованы земли и должности при дворе и оказаны великие почести.

Огромные награды были назначены за сведения об «узурпаторе, именующем себя Эйегоном II», его дочери Джейегере, сыне Мейелоре, «ложных рыцарях» Вилисе Фелле и Рикарде Торне и о Ларисе Колченогом. Не добившись желаемого, королева разослала отряды «рыцарей-инквизиторов» на розыски сбежавших «изменников» и приказала жестоко карать всех, кто помогает таковым.

Мачеху свою Рейенира сковала по рукам и ногам золотыми цепями, но сохранила ей жизнь «в память об отце, который любил ее». Отцу самой Алисент не столь посчастливилось: сира Отто Хайтауэра, служившего десницей трем королям, обезглавили первым. За ним на плаху взошел Железный Прут, продолжая твердить, что сын по закону идет прежде дочери. Сира Тайленда Ланнистера казнить не спешили: его пытали, чтобы выведать, куда он спрятал казну.

Лорды Росби и Стокворт, сменившие черный на зеленый, чтобы избежать заточения, попытались переокраситься в прежний цвет, но королева сказала, что «переменчивый друг хуже врага», и приказала вырвать им перед казнью их «лживые языки». Однако эта казнь поставила королеву в досадное положение относительно наследственных дел: так случилось, что у каждого из ее «переменчивых друзей» осталась дочь. Принц Дейемон предложил устроить так, чтобы дочка Росби (девица двенадцати лет от роду) вышла замуж за сына кузнеца Хью (который назывался теперь Хью Молотом), а шестилетняя дочка Стокворта – за Ульфа (который звал себя Ульфом Белым): так их земли останутся «черными», а семена получат достойную награду за отвагу, проявленную в битве. Однако королевский десница не советовал этого делать, ибо у обеих девочек были младшие братья. Права Рейениры на Железный Трон – дело иное: отец назначил ее своей наследницей, а лорды Росби и Стокворт подобных распоряжений не делали. Лишить их сыновей наследства в пользу старших дочерей – значит пойти наперекор закону и вековым традициям и поставить под сомнения права других лордов по всему Вестеросу: ведь можно будет сказать, что и у них меньше прав, чем у их старших сестер.

Манкен в своей «Подлинной истории» пишет, что именно страх лишиться поддержки этих лордов вынудил королеву встать на сторону лорда Корлиса и отвергнуть предложение принца Дейемона. Земли, замки и состояние домов Росби и Стокворт были переданы сыновьям казненных лордов, а Хью Молота и Ульфа Белого посвятили в рыцари и пожаловали им небольшие владения на Дрифтмарке.

Гриб рассказывает, что Хью Молот отпраздновал сие событие тем, что до смерти забил одного из рыцарей королевы в борделе на Шелковой улице: у них вышла ссора из-за юной девственницы. Ульф же напился и разъезжал по Bloшиному Концу нагишом, не считая золотых шпор. Ну, Гриб охоч до таких историй, а уж правда то или нет, сказать затруднительно. Впрочем, одно мы знаем: рыцари-выскочки быстро снискали себе дурную славу и презрение среди жителей Королевской Гавани.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

В 111 г., на пятую годовщину свадьбы Визериса и королевы Алисент, в Королевской Гавани был устроен большой турнир. На пиру в честь его открытия королева появилась в зеленом платье, наследная же принцесса оделась в цвета Таргариенов, красный и черный; с тех пор сторонников той и другой стали называть «зелеными» и «черными». На самом турнире верх одержали черные: выступавший за принцессу сир Кристон Коль победил всех бойцов королевы, считая двух ее кузенов и младшего брата, сира Гвейна Хайтауэра. – Примеч. пер.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhordzh-martin/plamya-i-krov-plyaska-smerti>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)